

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ПОЛИТОЛОГОВ

ISSN 2222-0747

**PRO NUNC.
СОВРЕМЕННЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ**

2019

№ 1 (21)

**Тема номера:
КОНКРЕТНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОЛИТИКИ**

**PRO NUNC.
СОВРЕМЕННЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ**

**2019
№ 1 (21)**

**Тема номера:
КОНКРЕТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКИ**

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Д.Г. Сельцер.
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: Д.С. Жуков, Н.Ю. Жуковская,
О.И. Коврикова, В.Ф. Пеньков, В.В. Романов

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33, каб. 314.
Тел. редакции: (4752)71-31-12, e-mail: seltser@yandex.ru
На сайте elibrary.ru размещена полнотекстовая версия журнала по договору с РНЭБ (РИНЦ) (договор № 131-05/2011R от 4 мая 2011 г.).

Компьютерное макетирование Т. Ю. Шаталовой

PRO NUNC. Современные политические процессы. Тамбов, 2019. № 1 (21). 84 с.
ISSN 2222-0747

Подписано в печать 23.12.2019. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 4,88. Тираж 500 экз.
Заказ № 19506. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. 392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2019

При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на автора и журнал обязательна (CC-BY).

Ответственность за содержание публикаций несут авторы.

**PRO NUNC.
CURRENT
POLITICAL PROCESSES**

**2019
Issue 1 (21)**

**Focus:
POLICY CASE STUDIES**

Founder: G.R. Derzhavin Tambov State University
(392000, Tambov, Internatsionalnaya St., 33)

EDITOR-IN-CHIEF D.G. Seltser.
EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL: D.S. Zhukov, N.Yu. Zhukovskaya,
O.I. Kovrikova, V.F. Penkov, V.V. Romanov.

Editorial Office: 392000, Tambov, Internatsionalnaya St., 33, office 314.
Tel.: (4752) 71-31-12, e-mail: seltser@yandex.ru
The complete version of the journal is given at web site ellibrary.ru according to contract with
Russian Scientific Electronic Library (contract № 131-05/2011R from 4 May, 2011).

Layout by T. Yu. Shatalova

PRO NUNC. Current political processes. Tambov, 2019. Issue 1 (21). 84 pp.
ISSN 2222-0747

Passed for Printing 23.12.2019. Format 60×84/16. Conventional Printed Sheets 4,88. Number of
Copies 500. Order № 19506.

Publisher's Office: 392000, Tambov, Internatsionalnaya St., 33.
FSBEI HE «G.R. Derzhavin Tambov State University».
Printed in the Publishing House of G.R. Derzhavin Tambov State University.
392008, Tambov, Sovetskaya St., 190g.

© FSBEI HE «G.R. Derzhavin Tambov
State University», 2019
Some rights reserved (CC-BY).

СОДЕРЖАНИЕ

- 7 *Жуков Д.С., Сельцер Д.Г.* Люстрация и «учредительные выборы» как гипотетические сценарии смены элит в постсоветской России: анализ с использованием СДМ
- 21 *Ерохин Н.А.* Основные характеристики демографической безопасности России
- 29 *Соловьев Д.А.* Ресурсы влиятельности тамбовского губернатора А.В. Никитина
- 41 *Канищев В.В., Жуков Д.С.* Изучение погромов в городах России в 1917–1918 гг. с позиций теории самоорганизованной критичности
- 60 *Кунавин К.С.* Определение допустимых потерь в исходных данных для анализа средствами теории самоорганизованной критичности
- 67 *Канищев В.В., Жуков Д.С.* Источниковедческий анализ документов по истории погромного движения в городах России в 1917–1918 гг.
- 81 **Все выпуски «PRO NUNC. Современные политические процессы»**

CONTENTS

- 7 *Zhukov D.S., Seltser D.G.* Lustration and “inaugural elections” as hypothetic scenarios elite change in post-soviet Russia: SDM analysis
- 21 *Erokhin N.A.* Main characteristics demographic security of Russia
- 29 *Solovyov D.A.* Resources of influence of the tambov governor A.V. Nikitin
- 41 *Kanishchev V.V., Zhukov D.S.* The study of pogroms in Russian cities (1917–1918) from the standpoint of the theory of self-organized criticality
- 60 *Kunavin K.S.* Determination of the allowable fallout in the original data for analysis by the means of theory of self-organized criticality
- 67 *Kanischev V.V., Zhukov D.S.* Refocusing public attention: modeling community activity in social media
- 89 **All issues of «PRO NUNC. Current political processes»**

ЛЮСТРАЦИЯ И «УЧРЕДИТЕЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ» КАК ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ СМЕНЫ ЭЛИТ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: АНАЛИЗ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СДМ¹

ЖУКОВ Дмитрий Сергеевич

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных отношений и политологии,
e-mail: ineternatum@mail.ru

СЕЛЬЦЕР Дмитрий Григорьевич

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
доктор политических наук,
профессор кафедры международных отношений и политологии,
e-mail: seltser@yandex.ru

Статья представляет результаты исследования двух нереализованных, но гипотетически возможных сценариев развития постсоветской России. Авторы предположили, что новая российская власть действовала в 1991 г. в логике поведения победивших элит стран Восточной Европы. Они создали СДМ этих действий и их последствий. Полученные результаты позволили судить не только о возможных путях современной российской трансформации, но и, самое главное, о реальных вариантах выбора первого президента страны Б.Н. Ельцина.

Ключевые слова: люстрация, выборы, «учредительные выборы», номенклатура, элиты, транзит власти.

Постановка научной проблемы

«Учредительные выборы» (далее – без кавычек) и люстрация являются неизменными сюжетами любого научного дискурса о демократическом транзите. Впрочем, если учредительные выборы в странах, начинающих движение по демократическому пути, всегда признавались «спусковым курком демократии» и носили характер обязательной процедуры, то люстрация явля-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-46-680457 «Моделирование процессов рекрутирования и трансформации региональных политических элит в современной России».

лась скорее факультативной – на выбор и вкус победившего социализм политикума. Учредительные выборы устанавливали власть, политические режимы и элиту. В глазах общества они носили отчётливо легитимный характер и способствовали быстрой трансформации базовых характеристик новых политических реалий. Иное дело – люстрация. Она как способ элитистского транзита использовалась в странах Восточной Европы далеко не везде и не в равной степени [1–7]. Там же, где это всё-таки последовательно происходило, результаты были разными. Например, в Польше после увольнения из МИДа выпускников МГИМО, проходившего с самого начала 1990 г. и завершившегося в 2018 г., резко упало качество дипломатических сотрудников, настаивает бывший министр иностранных дел Радослав Сикорский, которого очень трудно заподозрить в симпатии ко всему советско-российскому. В своё время он, будучи корреспондентом английского журнала «The Spectator», был участником боевых действий в Афганистане на стороне моджахедов. Так вот, он заметил, что у власти в Польше сейчас – агрессивные любители [8]. В МИДе одновременно с люстрацией снизили проходной балл при выполнении теста для приёма на работу. Что это, если не готовность руководства страны заменить сотрудников министерства даже ценой снижения квалификации ведомства? Такие действия стали причиной отставки 9 января 2018 г. тогдашнего министра иностранных дел Витольда Ващиковского. В этой связи ещё один риторический вопрос: поднялось ли качество польской военной элиты после увольнения из министерства обороны в 2016 г. всех выпускников советских военных академий?

В постсоветской России отказ Б.Н. Ельцина от проведения учредительных выборов рассматривается как упущенная возможность институционализации демократического прорыва осенью 1991 г. Причём, считают так чаще всего демократы «первой волны». Один из авторов статьи дважды – в 1995 и 2003 г. – провёл опрос одних и тех же региональных политиков, имеющих самое непосредственное отношение к формированию власти в ранний ельцинский период. В 1995 г. все они, без единого исключения, говорили о неиспользованных возможностях

1991 г. Лейтмотив их рассуждений был таков. Президент тогда был «наш», губернаторы – «наши». Надо было формировать и федеральную, и региональную власти без участия номенклатуры, жестко продиктовать свои условия оппозиции, провести люстрацию, пойти на учредительные выборы и обрести тем самым легитимацию. Их мнение было единодушно: ничто этому помешать не могло.

В 2003 г. оказалось, что очень многое ими переосмыслено. «У нас без номенклатуры не было шансов сохранить власть», «Мы были бы сметены коммунистической оппозицией, если бы остались в одиночестве», «Мы не имели опыта конструктивной работы», «Бизнес был сформирован без нашего участия – мы были обречены в любом случае». Кстати, все они не склонны думать о приватизации экономики номенклатурой, уверенно говорят о третьей силе, подкравшейся из-за спин партийно-советской номенклатуры и демократического официоза. Так вот, все они считают, что шансы победить на выборах у них, конечно, были, но тогда была бы и иная ответственность. Груз ответственности пугал более всего. Кроме того, спрашивали демократы рубежа 1980–1990 гг., где можно было бы найти в демократическом движении столько кандидатов в чиновники? И сами же отвечали, что нигде. В любом случае это были бы люди из той же номенклатуры: партийной, советской или хозяйственной. Выборы, на их взгляд, легитимировали бы не демократическую власть, а власть всё той же номенклатуры. И люстрация в той ситуации тоже бессмысленна. Оказалось, что новой власти было крайне сложно найти качественную опору.

В итоге новая Россия в 1991 г. пропустила учредительные выборы при отказе власти от люстрации. А что было бы, если всё-таки она на это решилась? Как это изменило бы состав элиты? Какая элита в результате сформировалась бы? Авторы уже предпринимали попытки ответить на поставленные вопросы [9–13]. Вместе с тем, делалось это без использования современного методологического инструментария. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел с учётом новых возможностей.

Методология и публикации

Авторы, взяв за основу эмпирические данные, полученные из исследований трансформации элит Рязанской, Самарской, Тамбовской, Ульяновской областей, республик Мордовия, Удмуртия и Чувашия, провели компьютерные эксперименты с разработанной ими системно-динамической моделью (СДМ) их рекрутирования. Такие эксперименты позволили получить различные сценарии развития изучаемых политических процессов. Модель создана и реализуется посредством программы Powersim Studio и в формате Powersim доступна онлайн: <http://ineternum.ru/sdm1/>. Основные элементы, математический аппарат, правила работы, литература, методология модели детально изложены в предшествующих публикациях авторов [14–20]. В полном виде наше исследование вышло в последнем номере «Журнала политических исследований» за 2019 г. [21].

Истоки и условия альтернативных сценариев

Авторы смоделировали базовый – реалистический – сценарий и провели несколько серий экспериментов. В каждом эксперименте в модель вносились одна или несколько поправок при сохранении прочих условий реалистического сценария. Первая серия включала сценарии радикального слома механизмов рекрутирования кадров и воплощение, в той или иной мере, идей образцового транзита. Исходной точкой сценария 1.1. является гипотетическая люстрация административно-политической элиты на рубеже 1991–1992 гг. – в период построения властной вертикали Б.Н. Ельцина. Симуляция начиналась с конца 1991 г., а численный состав всех звеньев элиты был установлен равным 1. Сценарий 1.2 возник из гипотетического – и в реальной политической повестке наиболее ожидаемого и вероятного – предположения, что учредительные выборы не были пропущены новой Россией и сразу после распада СССР стали единственным и мощным механизмом установления элиты. Итак, мы предположили, что выборы как механизм элитного рекрутинга начали

работать в 1991 г. на полную мощность (в 1,5 раза интенсивнее, нежели в базовом сценарии) – и в дальнейшем влияние этого механизма на пополнение элиты не ослабевало (как это в действительности было во второй половине 1990-х – первой половине 2000 гг.).

Результаты экспериментов

Сценарий 1.1: люстрация

Первый альтернативный сценарий исходит из гипотетической люстрации региональной административно-политической элиты на рубеже 1991-1992 гг.

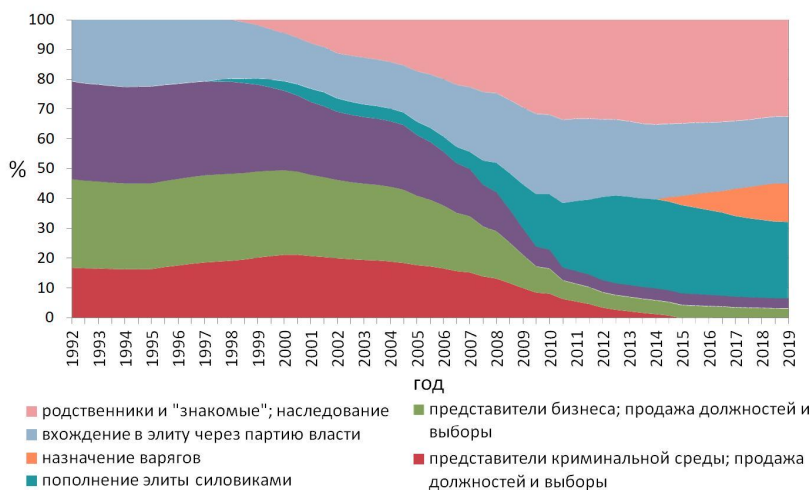

Рис. 1. Состав «новоприбывших» в высшее звено элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 1.1 «Люстрация»

Состав высшего звена оказался в альтернативном 2019 г. приблизительно таким же, как и в реалистичном базовом сценарии – рисунок 4. Эта часть элиты быстро обновляется и имеет множество источников пополнения. Результаты люстрации просто стёрлись.

Тенденции второй фазы оказались просто интерполированы в прошлое: криминал, бизнес и оппозиция достигли численного доминирования сразу же – в 1992 г.: им не потребовалось тратить время, чтобы вытеснить старые кадры.

Заметим, что доля оппозиции в этом альтернативном сценарии на пике её влияния не была больше, чем в реалистичном сценарии (чуть более 32% в обоих случаях). Хотя в реалистичном сценарии оппозиция достигла пика к 1998 г., а в альтернативном – сразу же в 1992 г.

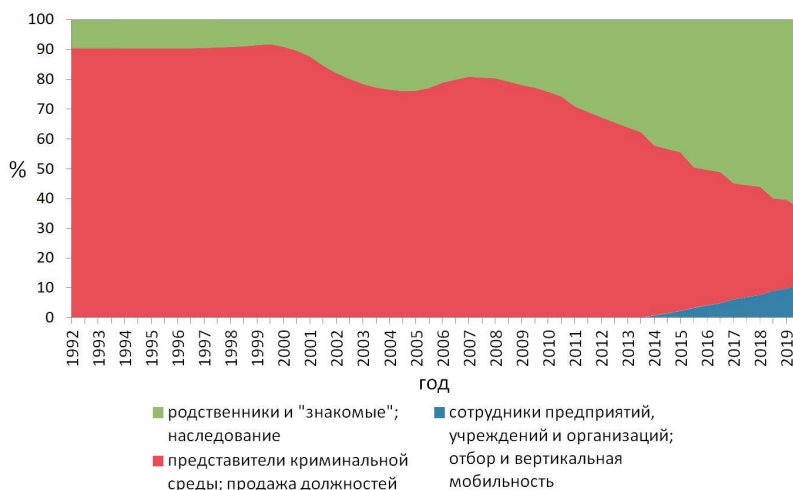

Рис. 2. Состав «новоприбывших» в среднее и низшее звенья элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 1.1 «Люстрация»

Для среднего и низшего звеньев элиты последствия люстрации оказались крайне негативными и очень длительными.

Диаграмма на рисунке 2 свидетельствует, что качественный состав элиты не существенно лучше, чем в реалистичном сценарии. График на рисунке 3 свидетельствует, что элита пережила существенный всплеск численности (до 500 человек) и столь же существенное снижения численности (почти до 100 человек).

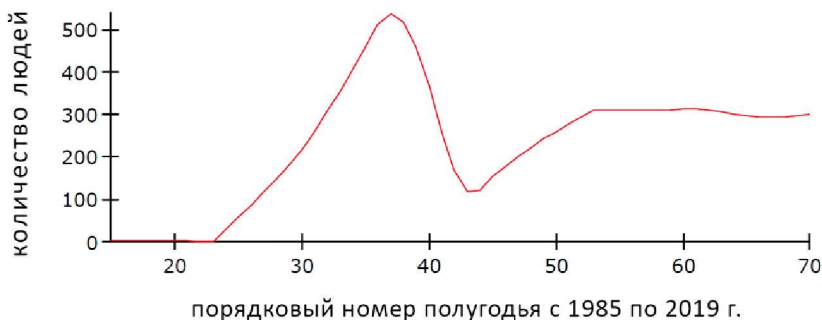

Рис. 3. Динамика численности среднего и низшего звеньев элиты, сценарий 1.1 «Люстрация»

Конечно, в реальности такие всплески и снижения, очевидно, должны были корректироваться в ручном режиме. Однако модель показывает, что в автоматическом режиме механизмы рекрутирования элиты должны быть разбалансированы: они то перенасыщают элиту, то создают грандиозный дефицит кадров. Безотносительно к возможностям ручной корректировки, такой характер работы механизмов рекрутирования означает, что в составе элиты возникают разрывы поколений и, соответственно, разрывы управленческих практик. Элита слишком быстро насыщается людьми, что вызывает эффект общей деqualификации. Быстрый сброс численности (например, уход многочисленных одновозрастных когорт) вызывает тот же эффект.

Рассмотрим, как возникла такая динамика. Люстрация была проведена в условиях, когда механизм подбора кадров из «сотрудников учреждений, организаций и предприятий» отключился. Ведь исчез актор, который приводил этот механизм в действие, – обком (реском), райкомы и горкомы КПСС.

Механизм пополнения элиты родственниками и «знакомыми» не мог включиться сразу – для его заметной работы требовалось, чтобы элита была наполнена некоторым количеством людей.

Единственным действенным механизмом, который мог бы быстро восполнить колоссальный дефицит кадров после люстрации, была продажа должностей представителям криминаль-

ной среды. Даже если учесть, что в тот момент элитный вакуум мог бы втянуть и массу случайных людей (например, бюджетников), это лишь незначительно изменило бы общую картину. После значительного всплеска потоков через механизм «продажа должностей 2», с некоторым запозданием начинает работать механизм самовоспроизводства элиты – пополнение из числа родственников и «знакомых». Но это были родственники и «знакомые» тех людей, которые вошли в элиту с первой волной после люстрации. Возникла ситуация, когда, в сущности, две основные категории – родственники и криминал – мало отличались друг от друга.

Механизмы быстрого пополнения элиты должны были работать очень быстро из-за критического недостатка кадров. Инерция этих механизмов и привела к переполнению элиты, а затем – чрезмерному сбросу численности в результате петли обратной связи с задержкой. В реальности, такая ситуация могла означать, что от огромной части прибывших в элиту с ранними волнами пришлось избавляться (из-за возраста и низкой квалификации). Фактически, через 18-20 лет наспех сформированная элита вновь прошла через своеобразную люстрацию (рисунок 3). Но уже без каких-либо политических мотивов и централизованных решений – просто в силу действия автоматических механизмов рекрутирования.

Подводя итог анализу этого альтернативного сценария, отметим, что любые эффекты от люстрации в высшем звене элиты обнулились уже через 9 лет; а на низшее и среднее звенья люстрация оказала катастрофическое воздействие длиной, как минимум, в 25 лет.

Учитывая, что верхние уровни управленческой иерархии функционально связаны с низшими, такая динамика должна была приводить к фатальному падению качества всей элиты.

Принципиальный порок этого альтернативного сценария заключается в том, что люстрация, будучи лишь простым изменением численности запаса, никак не изменила структуру, в которой рекрутировалась элита. Иначе говоря, новые негативные механизмы (например, продажа должностей) не были отключены заблаговременно (их не было в СССР), а новые позитивные

механизмы ещё не созданы. Не сформировались также акторы, которые имели бы интерес и возможность приводить в действие таковые новые механизмы.

Сценарий 1.2. форсирование выборов

Сценарий, предполагающий, что выборы стали и оставались важнейшим механизмом пополнения элиты, оказался связан со значительными изменениями в эволюции высшего звена – рисунок 4.

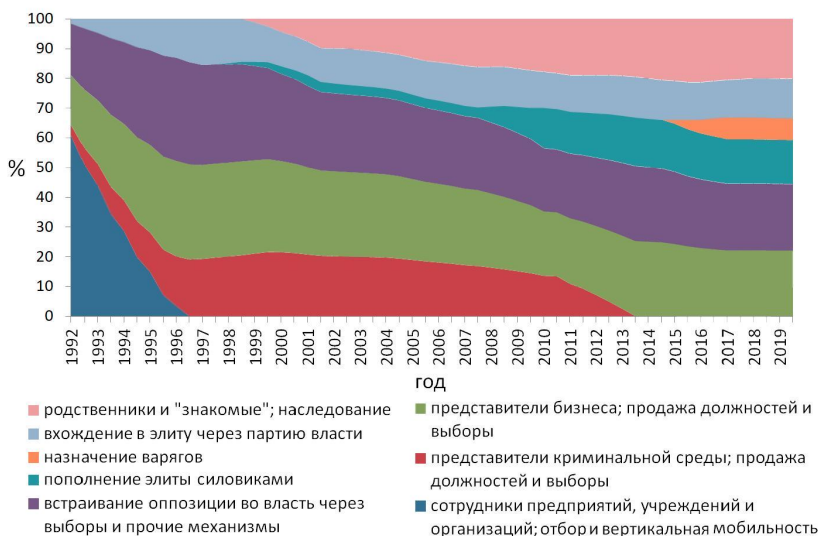

Рис. 4. Состав «новоприбывших» в высшее звено элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 1.2 «Форсирование выборов»

Обращает на себя внимание более высокий темп ротации элиты в альтернативном сценарии. Это легко объяснимо: конкурентные выборы формируют огромную массу кандидатов на вхождение в элиту. Эта масса давит на механизмы элитозамещения. Каждый выборный цикл несёт обновление персонального состава, даже если в этом нет административной и организационной целесообразности: просто действует принцип «ты посидел на хорошем месте – дай другим посидеть».

«Старые кадры» вымываются во втором сценарии несколько быстрее – приблизительно к 1996 г. вместо, напомним, 1998 г.

Главное отличие альтернативного сценария в том, что качественный перелом в эволюции состава элиты в 2004–2009 гг. в виртуальной реальности не состоялся. Тенденции, которые были форсированы в эти годы в реалистичном сценарии (пришествие силовиков, рост количества выдвиженцев от партии власти и сокращение числа бизнесменов), имели место и в альтернативном сценарии, но разворачивались эти тенденции крайне медленно. В результате к альтернативному 2019 г. силовики и выдвиженцы партии власти составили меньшинство (даже вместе с варягами). «Родственников» в элите скопилось хотя и меньше, чем в реальности, но на одном уровне с силовиками.

Двумя крупнейшими фракциями элиты, которые совместно заняли немалым менее 50% позиций, оставались оппозиционеры и представители бизнеса.

В рамках альтернативного сценария мы сохранили противодействие государства криминалу, что практически свело на нет приток в высшее звено его представителей. Однако в реальности следует предположить, что сохранение значимости выборов и, следовательно, влияния оппозиции на формирование элиты оставляло бы лазейки для проникновения в элиту криминала.

Таким образом, сокращение значимости выборов, которое имело место в реальности с 2004 г., сыграло ключевую роль в быстром изменении персонального состава элиты, которое мы можем наблюдать в третьей – современной – фазе реалистичного сценария. Занижение роли выборов при формировании элиты позволило отсечь от каналов элитного рекрутинга оппозицию, а также, в некоторой мере, бизнес и, в значительной мере, криминал. Элита наполнялась в реалистичном сценарии из более лояльных сред. Это нельзя не считать стабилизирующим фактором.

На состояние и эволюцию элиты низшего и среднего звеньев второй альтернативный сценарий не оказал никакого влияния, поскольку выборы не являются в модели механизмом рекрутирования этих звеньев – рисунок 5.

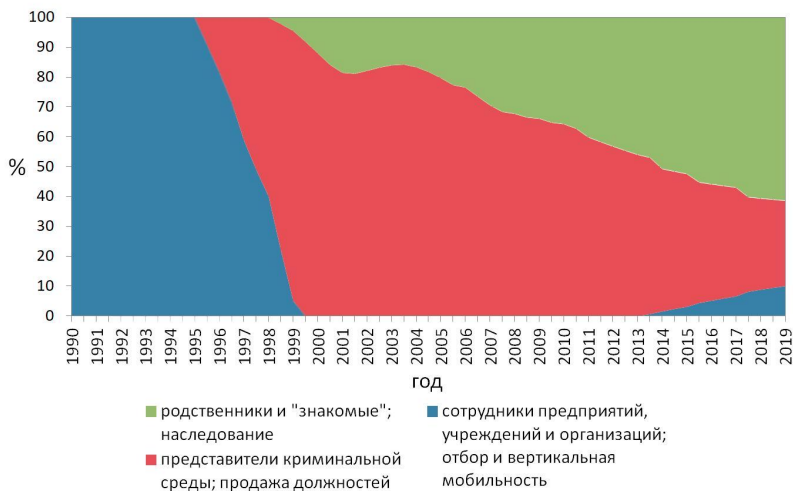

Рис. 5. Состав «новоприбывших» в среднем и низшее звенья элиты в течение минимального периода полного обновления, сценарий 1.2 «Форсирование выборов»

Заключение

В значительной мере эволюция элит оказалась зависима от стартовой точки – решений, что были приняты федеральным центром в начале 1990-х гг. Реализовавшийся сценарий включал в себя демонтаж старой номенклатурной системы, но при отказе от наиболее радикальных транзитарных рецептов, таких как люстрация. Ключевая особенность этого сценария состояла в том, что множество социальных сил получили доступ к формированию высшего звена региональной элиты. Среди них были новые силы, возникшие в связи с радикальной социально-экономической и политической трансформацией страны. Это бизнес, криминальные кланы, оппозиционные партии и партии власти, традиционалистские сетевые сообщества. Нельзя точно утверждать, что создание подобной конкурентной ситуации было сознательным выбором ельцинских реформаторов. Более реалистично предположение, что федеральная власть на время потеряла контроль над элитозамещением и просто допустила

всех значимых региональных акторов поучаствовать в этом процессе.

В начале 1990-х гг. был выбран, как показывает моделирование, не самый лучший вариант, но и далеко не самый худший. Рассмотренные нами альтернативы являлись более демократичными и правильными с точки зрения теории транзита, но они не вели к более позитивному исходу, который подразумевает более высокое качество элит, сбалансированность интересов и сохранение стабильности. Системная проблема наших альтернативных сценариев заключается в том, что они (как и реальная политика реформирования системы рекрутинга) осуществлялись по пути наименьшего сопротивления. Государство просто включало или выключало разные механизмы, не меняя радикально саму систему взаимоотношений акторов. Между тем, известно, что сходные структуры порождают сходные типы поведения. Базовый реалистичный сценарий оказался конгруэнтен принципам сосуществования акторов и правилам игры по поводу распределений власти. Поэтому любые коррективы в базовом сценарии вызывали, в конечном счёте, незапланированные негативные эффекты и дисбалансы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деак И. Суждение историка: размышления Иштвана Деака // *Ab imperio*. 2007. № 3. С. 83–91.
2. Лёзина Е.В. Люстрация и открытие архивов в странах Центральной и Восточной Европы // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2015. № 2 (120). С. 48–89.
3. Міненкова Н.Є. До питання люстрацій в країнах Центрально-Східної Європи // *Гілея: научный вестник*. 2015. № 101. С. 489–492.
4. Minenkova N.Y. Arguments «Pro Et Contra» Lustration in Central and Eastern Europe in The Contemporary Scientific Discourse // *Грані*. 2016. Т. 19. № 9 (137). С. 116–124.
5. Мухаметов Р.С., Нагорных О.В. Декоммунизация в Восточной Европе: сущность, причины и мероприятия // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2018. № 2 (18). С. 201–207.
6. Целищев А.О., Сухарев А.В. Люстрации в Латвии: исторический опыт // *Мир Евразии: от древности к современности: Сборник*

материалов Всероссийской научной конференции / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин. 2019. С. 287-294.

7. Барабанов М.В. Из опыта политической «посткоммунистической» трансформации в Восточной Европе; некоторые проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 5. С. 44–49.

8. Радослав Сикорский: «У власти в Польше – агрессивные любители» // <https://newtimes.ru/articles/detail/147731>.

9. Сельцер Д.Г. Первые секретари ГК и РК КПСС (1991–1992 гг.): продолжение или завершение карьеры? // PRO NUNC. Современные политические процессы. 2004. № 2. С. 135–156.

10. Сельцер Д.Г. Ещё раз об «учредительных выборах», или О возможности «демократического рывка» России в 1991 г. // PRO NUNC. Современные политические процессы. 2006. Т. 4. № 1. С. 139–147.

11. Сельцер Д.Г. Взлёты и падения номенклатуры. Тамбов: ОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006.

12. Сельцер Д.Г. Перестройка и дестабилизация номенклатурной организации власти в СССР // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 1 (45). С. 42–53.

13. Сельцер Д.Г. Субрегиональная номенклатура КПСС после распада СССР (1991–2005) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 2. С. 49–63.

14. Жуков Д.С., Сельцер Д.Г. Системно-динамическая модель рекрутирования региональной административно-политической элиты: симуляции и результаты // PRO NUNC. Современные политические процессы. 2018. № 2 (20). С. 7–42.

15. Жуков Д.С., Сельцер Д.Г. Системно-динамическая модель рекрутирования региональной административно-политической элиты: диаграмма запасов и потоков // Fractal Simulation. 2017. № 1. С. 5–18.

16. Жуков Д.С., Сельцер Д.Г. Трансформация региональной административно-политической элиты России: результаты компьютерных экспериментов с системно-динамической моделью // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 8. С. 7–16.

17. Сельцер Д.Г. Рекрутирование локальной административной элиты России: исходные данные для построения системно-динамической модели // PRO NUNC. Современные политические процессы. 2017. № 2. С. 27–32.

18. Сельцер Д.Г. Центр-периферийные отношения в России (1991–2018 гг.): контуры модели // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 8. С. 8–15.

19. Сельцер Д.Г., Жуков Д.С. Рекрутирование региональной административно-политической элиты России, 1990–2017 гг.: подходы к построению системно-динамической модели // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. № 4. С. 78–101. URL: <https://riorpub.com/ru/nauka/article/19598/view> (дата обращения: 09.12.2019).

20. Сельцер Д.Г., Жуков Д.С. Элементы системно-динамической модели рекрутирования региональных административно-политических элит // Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира / ред.: А.Ю. Шутов. Ростов-на-Дону: ЮРИУФ РАН-ХиГС, 2019. С. 282–287.

21. Жуков Д.С., Сельцер Д.Г. Системная динамика российской региональной элиты (1985-2019 гг.): альтернативные сценарии // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 4. С. 40–74. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/34262/view> (дата обращения: 25.12.2019).

LUSTRATION AND “INAUGURAL ELECTIONS” AS HYPOTHETIC SCENARIOS ELITE CHANGE IN POST-SOVIET RUSSIA: SDM ANALYSIS

Zhukov Dmitry Sergeevich, G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, PhD, associate professor of the International Relations and Political Science Department, ineternatum@mail.ru

Seltser Dmitrii Grigorievich, G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, Doctor of Political Science, Professor of the International Relations and Political Science Department, seltser@yandex.ru

The article presents the results of a study of two unrealized, but hypothetically possible scenarios for the development of post-Soviet Russia. The authors suggested that the new Russian government acted in 1991 in the logic of the behavior of the victorious elites of Eastern Europe. They created SDM for these actions and their consequences. The results obtained made it possible to judge not only about the possible ways of modern Russian transformation, but, most importantly, about the real options for choosing the first president of the country B.N. Yeltsin.

Key words: lustration, elections, “inaugural elections”, nomenclature, elites, transit of power.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

ЕРОХИН Никита Алексеевич

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Россия, учитель истории и обществознания,
МАОУ СОШ № 1 «Школа Сколково – Тамбов»

В статье анализируются демографические факторы, представляющие угрозу для национальной безопасности России: половозрастное распределение населения, внешние миграционные потоки, внутреннее расселение и внешнее давление.

Ключевые слова: демографическая безопасность, национальная безопасность, демографические процессы, демографическая политика, половозрастная пирамида, миграция, урбанизация.

Демографическая безопасность как часть национальной безопасности

В современное время концепт «национальная безопасность» отталкивается не только от военной угрозы, но и от множества факторов, на первый взгляд, не представляющих опасности государству [13; 12]. Сам термин «национальная безопасность» был впервые употреблен в послании американского президента Т. Рузвельта конгрессу США в 1904 г. Стоит отметить, однако, что в английском языке «nation» переводится не только как «нация», но и как государство, что крайне важно в многонациональных странах, таких как США или Россия. Термин «national security» – «национальная безопасность» – можно использовать как форму самоопределения и организации той или иной нации на определённой суверенной территории, выражающую волю этой нации. Дабы не создавать путаницу, автор будет использовать термин «национальная безопасность», вкладывая в него именно такой смысл – государственная, или общенациональная, безопасность. В правовой практике большинства стран используется именно такая трактовка.

Национальная безопасность в Российской Федерации регулируется тремя нормативно-правовыми актами: Федеральными

законами «О безопасности» [22] и «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [21], а также Указом Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [20]. В них национальная безопасность Российской Федерации понимается как обеспечение благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

В концепт «национальная безопасность» постепенно начали входить не только военная угроза, но и множество факторов, на первый взгляд, не представляющих угроз существованию государства. Сегодня сложилась такая ситуация, при которой возникают множество факторов, оказывающих прямое воздействие на безопасность, вследствие чего концепт «национальная безопасность» становится более дифференцированным. Помимо традиционной военной безопасности, к структуре национальной безопасности сегодня можно отнести экономическую, экологическую, информационную, энергетическую, демографическую безопасность.

Демографическую безопасность автор определяет как часть национальной безопасности; состояние защищенности государства и его демографического суверенитета; обеспечение благоприятных внутренних и внешних демографических условий; состояние, при котором возможна реализация национальных интересов и стратегических национальных приоритетов государства.

Сохранение демографического суверенитета является составляющей демографической безопасности. Последняя, в свою очередь, является частью национальной безопасности государства и выражает состояние защищенности государства и его демографического суверенитета, создание благоприятных внутренних и внешних демографических условий, а также состояния, при котором возможна реализация национальных интересов и стратегических национальных приоритетов. Обеспечение демографической безопасности России предполагает формирование системы противостояния демографическим рискам – как количественного (риски, связанные с численностью населения, рождаемостью, смертностью), так и качественного характера

(риски, связанные со здоровьем населения, качеством жизни, интеллектуальным потенциалом).

Индикаторы демографической безопасности России

Обеспечение демографической безопасности России предполагает формирование системы противостояния демографическим рискам. Согласно С.И. Тиводару, демографический суверенитет отражает связь между «существующими институциональными политическими и правовыми условиями воспроизводства населения и жизненно важными национальными интересами в данной сфере, обусловленными тенденциями социально-экономической и культурной жизни страны» [19; 38].

В Таблице 1 показаны различные аспекты демографической безопасности современной России – сведены основные демографические угрозы, сравниваются оптимальные и фактические демографические показатели:

Таблица 1

Демографические угрозы	Показатели	Оптимальное значение	Обоснование оптимума	Фактический показатель (2018 г.)	Социально-политические последствия
Численность населения					
Численность населения	Среднегодовая численность населения (тыс.)	153 000	Оптимистичный (высокий) сценарий Росстата[6]	146 880 [20]	Уменьшение численности населения
Динамика численности населения	Общий прирост населения (тыс. чел.)	≥ 0	Рост или стабилизация численности населения	-100 [23]	Уменьшение численности населения
Плотность размещения населения	Мера территориальной концентрации	=0	Равномерное распределение населения по территории	1,02 [24]	Несоответствие фактического размещения населения и стратегических целей социально-экономического развития государства
Динамика урбанизации	Миграционный сальдо между городскими и сельскими территориями (тыс. чел.)	0	Равная миграция из города в село и наоборот [16]	101 [24]	Диспропорциональность территориального размещения жителей

Демографические угрозы	Показатели	Оптимальные значения	Обоснование оптимума	Фактический показатель (2018 г.)	Социально-политические последствия
Структура населения					
Половозрастная структура населения	Коэффициент старости населения (%)	≤ 8	Демографическая молодость (согласно шкале демографического старения Ж. Божё-Гарнье – Э. Россета)	14,6 [15]	Старение населения, рост преобладания пожилой страны в половозрастной пирамиде
Демографическая нагрузка на трудоспособное население	Коэффициент демографической нагрузки	$\leq 0,6$	Экспертная оценка [14; 55-56]	0,63 [13]	Увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население
Показатели естественного воспроизводства населения	Нетто-коэффициент воспроизводства населения	$\geq 1,1$	Больше или равно замещению поколений [9]	0,84 [5; 47]	Отсутствие простого замещения поколений
Уровень рождаемости	Суммарный коэффициент рождаемости	$\geq 2,2$	Замещение поколений [17]	1,57 [18]	Отсутствие простого замещения поколений
Уровень смертности	Общий коэффициент смертности населения (‰)	$\leq 12,5$	Экспертная оценка [4; 26]	14,01 [25]	Снижение естественного прироста населения
Доля мигрантов	Доля мигрантов (% к численному составу населения)	≤ 3	Экспертная оценка [4; 26]	11,8 [11]	Доля покрытия естественных потерь миграционными, миграционные издержки
Здоровье населения					
Младенческая смертность	Коэффициент младенческой смертности (‰)	≤ 7	Меньше или равно среднего коэффициента младенческой смертности по промышленно-развитым странам [1]	5,1 [8]	Снижение естественного прироста населения
Продолжительность жизни	Ожидаемая продолжительность жизни (лет)	≥ 80	Больше или равно по промышленно-развитым странам [3]	72,7 [12]	Уменьшение численности и жизнеспособности населения
Заболеваемость населения	Уровень распространённости психической патологии (на 1000 человек)	3,6	Экспертная оценка [4; 25]	0,2 [10]	Ухудшение здоровья населения страны, деградация

Демографические угрозы	Показатели	Оптимальное значение	Обоснование оптимума	Фактический показатель (2018 г.)	Социально-политические последствия
	Доля людей, потребляющих наркотики, %	3,5	Экспертная оценка [4; 26]	1,76 [10]	
	Доля ВИЧ-инфицированных	0,2	Уровень заболеваемости в Западной Европе [2]	0,66 [10]	
	Уровень употребления алкоголя (л/чел./год)	8	Экспертная оценка [4; 26]	11,7 [10]	

Заключение

Территориально Россия является самой большой страной в мире, однако год за годом она теряет позиции в демографическом поле. Использование массивов статистических данных позволило Автору сделать вывод о негативном характере демографической динамики в современной России. 12 из 13 факторов демографической безопасности носят отчетливо негативный характер. Население вновь начало уменьшаться; суммарный коэффициент рождаемости и нетто-коэффициент находятся ниже уровня простого воспроизводства населения. Абсолютное большинство россиян проживают на европейской части России. Наблюдается постепенное вымирание сельских территорий. В стране наблюдается первый тип демографического старения (основная причина – снижение рождаемости), около 19 % – это люди пожилого возраста (старше 65 лет). Продолжительность жизни почти на 10 лет меньше, чем в промышленно-развитых странах. В целом, демографическая динамика современной России носит явно негативный характер.

Данные факторы усугубляют социально-политическую ситуацию в современном обществе. Таким образом, понимание взаимосвязи политических и демографических процессов, а также выявление сущности, характера и направленности их взаимодействия становится необходимым элементом обеспечения политической стабильности государства XXI в.

Демографические показатели являются важным фактором обеспечения национальной безопасности, именно от них во

многим зависит геополитический статус страны. Негативные демографические тенденции являются основной угрозой для национальной безопасности страны в долгосрочной перспективе. При их сохранении можно говорить об угрозе нехватки ресурсов населения России для защиты внутренних и внешних интересов государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Life tables for 191 countries: data, methods and results // Всемирная организация здравоохранения [сайт]. URL: <https://www.who.int/healthinfo/paper09.pdf> (дата обращения: 20.06.2019).
2. UNAIDS World Aids Day Report // Объединённая программа Организации Объединённых Наций по ВИЧ/СПИД. 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/JC2216_WorldAIDSday_report_2011_en_1.pdf (дата обращения: 22.06.2018).
3. World Population Prospects // United Nations Department of Economic and Social Affairs [site]. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/Data Query> (дата обращения: 20.06.2019).
4. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4 (22). С. 22–41.
5. Демографический ежегодник России. 2017: Статистический сборник. М.: Росстат, 2017. 263 с.
6. Изменение численности населения по вариантам прогноза (2018–2036 гг.) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo27.xlsx (дата обращения: 20.06.2019).
7. Международная миграция (1997-2019 гг.) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/migr2.xls (дата обращения: 20.06.2019).
8. Младенческая смертность (2000-2018) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo22.xls (дата обращения: 20.06.2019).
9. Национальный состав населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab5.xls (дата обращения: 20.06.2019).

10. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2017 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2018. 268 с.

11. Общие итоги миграции населения (по потокам передвижения) (1990-2019 гг.) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/migr1.xls (дата обращения: 20.06.2019).

12. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (1896–2018) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo26.xlsx (дата обращения: 20.06.2019).

13. Опалев А.В. Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 510 с.

14. Попов А.В., Калачикова О.И. Интегральные индексы в оценке демографической безопасности территорий // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 26. С. 56–66.

15. Распределение населения по возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo14.xls (дата обращения: 20.06.2019).

16. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации – 2017 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_14s/Main.htm (дата обращения: 20.06.2019).

17. Рождаемость, смертность и естественный прирост // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo21.xls (дата обращения: 20.06.2019).

18. Суммарный коэффициент рождаемости (1960–2018) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo27.xlsx (дата обращения: 20.06.2019).

19. Тиводар С.И. Юридическая легитимация демографического суверенитета России // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 5. С. 38–41.

20. Указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 года «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2016 г. 2016. № 1.

21. Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. // Российская газета – Федеральный выпуск. 2014. 3 июля. № 6418 (146).

22. Федеральный закон. № 390-ФЗ «О безопасности» от 28 декабря 2010 г // Российская газета – Федеральный выпуск. 2010. 29 декабря. №5374 (295).

23. Численность населения (1897-2019 гг.) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo11.xls (дата обращения: 20.06.2019).

24. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc/doc_2019/bul_dr/mun_obr2019.rar (дата обращения: 20.06.2019).

25. Число умерших по причинам смерти // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo24-2.xls (дата обращения: 20.06.2019).

MAIN CHARACTERISTICS DEMOGRAPHIC SECURITY OF RUSSIA

Erokhin Nikita Alekseevich, G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, Tambov, Russia, teacher of history and social studies, MAOU secondary school № 1 “School Skolkovo–Tambov”, n.ero.tmb@gmail.com.

The article analyzes the demographic factors that pose a threat to Russia's national security: gender and age distribution of the population, external migration flows, internal resettlement and external pressure.

Key words: demographic security, national security, demographic processes, demographic policy, age and gender pyramid, migration, urbanization.

РЕСУРСЫ ВЛИЯТЕЛЬНОСТИ ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА А.В. НИКИТИНА

СОЛОВЬЕВ Дмитрий Анатольевич

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Тамбов, Россия, аспирант направления подготовки
41.06.01 «Политические науки и регионоведение»,
e-mail: dmitry.a.solovev@yandex.ru

В статье рассмотрены причины влияния главы администрации Тамбовской области А.В. Никитина.

Ключевые слова: влияние, федеральная власть, губернатор, выборы губернатора, элиты

Постановка проблемы

Исследование «Самые влиятельные люди России – 2018. Тамбовская область», с некоторыми уточнениями, проведено нами по методике ИСАНТа «Самые влиятельные люди России – 2003» [1]. Всего в июне 2018 г. – феврале 2019 г. методом глубинного полуструктурированного интервью нами опрошено 33 эксперта. В данной статье представлены их размышления и наши интерпретации причин влияния ныне действующего главы администрации Тамбовской области А.В. Никитина.

Фоновый инструментарий сложился под влиянием работ современных российских политологов. Индикаторы моно- и полицентризма власти в регионах представлены в работах Р.Ф. Туровского [2]; обновление института глав законодательной власти – Л.В. Богатыревой [3]; динамика депутатского корпуса региональных Законодательных Собраний – Д.Г. Сельцера и С.С. Топоркова [4]; практика назначений губернаторов 2005–2012 гг. – В.Е. Реутова [5]; прямые выборы губернаторов – В.Г. Семенов [6]; типы губернаторов – Ю.А. Зуляра [7]; взаимоотношения федеральной и региональных элит – А.О. Шуликова [8]; губернаторские выборы-2015 – Е.В. Махоры [9]; губернаторские выборы 2012–2018 гг. – И.А. Мамзалева [10]; институт губернаторов в современных стратегиях российской власти –

Д.М. Деевой [11]; влияние В.В. Володина на назначения губернаторов – Д.С. Соловьева [12].

Целью настоящей работы является изучение ресурсов влияния А.В. Никитина.

А.В. Никитин – ректор МичГАУ

5 мая 2009 г. прошла конференция по выборам ректора Мичуринского государственного аграрного университета. По результатам состоявшихся выборов высший университетский пост занял проректор по экономике и инновациям аграрного университета Александр Никитин.

Практически сразу после назначения, губернатор О.И. Бетин предложил ректору А.В. Никитину место в своей команде в ранге заместителя главы администрации области. По словам А. Никитина: «...тогда для меня это было в общем так неожиданно, что при поддержке, признаюсь честно, руководства Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, мне в некотором смысле удалось «отбояриться» от этого дела» [13].

Решение губернатора Бетина, в общем-то, понятно. Начала возвышаться одна из групп влияния, поэтому, будучи опытным в кадровой политике руководителем, Бетин постарался «переманить» Никитина в свою команду. Тем более, что дело происходило в г. Мичуринске, получившем по инициативе Бетина статус наукограда. Однако, в марте 2009 г. меняется руководство в Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации, осуществляющего полномочия учредителя аграрного университета. Таким образом, Никитин открытым текстом говорит, что министр Е. Скрынник не позволила реализовать угодный Бетину сценарий.

Вскоре от Бетина последовало второе предложение – курировать отрасль в рамках профессиональной деятельности А. Никитина. И снова от ректора последовал отказ: «Я, видно, тогда предполагал уже, думая о том, чем это всё завершится, закончится», – поведал собравшимся на торжественном заседании в Большом зале администрации области врио главы администрации области А. Никитин [13]. Действительно, в Тамбов-

ской области продолжал усиливаться элитный раскол, в котором клан губернатора Бетина, терял позиции. 10 октября 2010 г. состоялись выборы депутатов Тамбовской городской Думы пятого созыва. На её первом заседании председателем был избран полковник, заместитель командира войсковой части № 54607 А.В. Кондратьев. Алексей Кондратьев опять же не входил в группу влияния О. Бетина. Таким образом, несмотря на то, что Никитин не был политиком, он, безусловно, чувствовал конъюнктуру сложившейся ситуации.

А.В. Никитин – председатель областной Думы

13 марта 2011 г. состоялись выборы депутатов Тамбовской областной Думы V созыва. На её первом заседании председателем был избран ректор МичГАУ А.В. Никитин. Его представление губернатором было коротким: «Давайте поздравим председателя Думы V созыва. Молодой парень, много ещё впереди. Может быть, недостаток опыта. Он придёт со временем. Мы должны все ему помочь в организации работы Думы. Ну и слаженной работы» [14].

Традиционно ректоры высших учебных заведений Тамбовской области занимали высокое положение во властной структуре региона: в 2003 г. – ректоры ТГУ имени Г.Р. Державина (В.М. Юрьев) и ТГТУ (С.В. Мищенко). Это универсалы, обладающие влиятельностью и в политике, и в экономике [1, с. 584–597]. Владислав Юрьев, многолетний первый заместитель председателя областной Думы, стоял у истоков местного отделения партии «Единая Россия». Он и по сей день оказывает на него некоторое влияние в рамках возглавляемого им идеологического направления деятельности его политического совета. Сергей Мищенко избирался депутатом областной Думы III и IV созывов, был председателем комитета по науке и образованию. Традиция выдвижения ректоров тамбовских вузов на высокие позиции, следовательно, была.

А.В. Никитин до выборов 2011 г. казался скромной фигурой, уступающей – и существенно – во влиятельности своим коллегам-ректором. Всего лишь председатель комиссии по бюджету и

экономике Мичуринского городского Совета IV созыва. В 2011 г. избирается в областную Думу по Мичуринскому одномандатному округу № 7. Что же способствовало стремительному вознесению сравнительно скромного мичуринского депутата на вершину власти?

Ресурсы: Тихомиров – Рогожкин – Володин

Одной из экспертных точек зрения на феномен влиятельности ректора А.В. Никитина является его поддержка ресурсными выходцами из Мичуринска Вячеславом Тихомировым (1945–2014) и Николаем Рогожкиным. Тихомиров был заместителем министра МВД – главнокомандующим внутренними войсками МВД с 22 января 2000 г. по 19 июля 2004 г. После него на этой позиции оказался его земляк Николай Рогожкин – с 13 августа 2004 г. по 12 мая 2014 г. вплоть до образования Национальной гвардии.

По мнению эксперта А, Вячеслав Тихомиров и Николай Рогожкин поддержали Никитина. Эксперт В считает, что такие заявления экспертов – «... скорее мнение самого эксперта. Никто там не был. Это желание показать особую осведомленность. Глубоко сомневаюсь, что кто-то из них мог сыграть решающую роль. Кухня принятия решений несколько иная». Политтехнолог, эксперт С показывает эту самую «кухню»: «Федералы принимают окончательные решения. Володин из тех лиц, которые принимают решения. Реально влиятелен тот, кто принимает окончательные решения». Ответ последовал на просьбу рассказать о роли Володина в назначении Никитина. Не стоит забывать и про роль «подготовленного случая» – встречу премьер-министра Владимира Путина и Александра Никитина.

Александр Никитин превосходно проявил себя на межрегиональной конференции региональных отделений партии «Единая Россия» под названием «Развитие Центральной России 2011–2012» (3–4 марта 2011 г., г. Брянск), представив проект «Современный сельскохозяйственный ВУЗ: от науки к производству». Стенограмма заседания сохраняет колорит события. Ректор МичГАУ А.В. Никитин: «Ну а по поводу новых сортов

черной смородины, белой, красной, то я могу сказать, что витамина С [в них] содержится больше чем в три раза, чем в самом лимоне». «Слушай, у меня слюни потекли. Угостил бы!», – со смехом перебил и похлопал по плечу Александра Никитина премьер-министр Владимир Путин [15]. Возможно, Путин вспомнил Никитина? Ясно, впрочем, что сам факт выступления Никитина перед премьером – не экспромт и не случайность: его «демонстрировали», или «подводили», к Путину. Ясно, что по согласованию с ним.

Следует отметить, что по Мичуринскому одномандатному округу № 8 на выборах в областную Думу V созыва победил Михаил Корнев. Впоследствии им будет создан проект «Корнев Групп» (вложения – около 3 млрд. руб.), который тогда будет поддерживать Николай Рогожкин. Таким образом, можно предположить, что в тот момент у Никитина оказалось два крупных основания в выдвижении: группа влиятельности (Тихомиров – Рогожкин) и группа влияния, независимая от действующего тогда губернатора (Корнев).

А.В. Никитин – врио главы администрации области

25 мая 2015 г. А.В. Никитин приступил к исполнению обязанностей главы администрации области в связи заявлением О.И. Бетина о досрочном прекращении полномочий [16]. Решение принималось не один день. Например, эксперт А оценивает срок принятия решения в Администрации Президента России по «тамбовскому случаю» в 6–8 месяцев. Таковы же и экспертные оценки Фонда «Петербургская политика» [17–19].

Разногласия мнений перед окончанием третьего и четвертого сроков губернаторства Олега Бетина очевидна. В первом случае эксперты говорят, что в Тамбовской области наблюдается экономического роста и стабильная политическая ситуация, и нет никаких признаков смены первого лица [20]. Во втором случае, уже накануне подписания Указа Президентом РФ о назначении врио главы администрации Тамбовской области, генеральный директор Института приоритетных региональных проектов Николай Миронов говорит о том, что на выборы 13 сен-

тября пойдет Виктор Кидяев [21]. По его мнению, Тамбовская область – регион с дырявым бюджетом, и Кидяев-губернатор сможет найти для Тамбовщины выход из затянувшегося кризиса. Однако, в беседе с корреспондентом ИА REGNUM политолог Дмитрий Сельцер говорит о том, что Виктор Кидяев никогда не будет участвовать в выборах главы администрации Тамбовской области, и губернатором станет А.В. Никитин [22]. «Отставки глав регионов происходят весной в тех случаях, когда есть уверенность, что сменщику хватит нескольких месяцев, чтобы уверенно победить на выборах. В других случаях отставки происходят по осени, чуть ли не после единого дня голосования, чтобы дать год на «раскачку», – говорит о политическом транзите губернаторского корпуса в России весной 2019 г. политолог Кирилл Николенко. – Тот же самый механизм рекрутирования глав администраций регионов работал и в 2015 году» [23].

Дал интервью ИА REGNUM политолог, в будущем председатель Общественной палаты Тамбовской области Владимир Пеньков [22]. Он замечает, что Тамара Плетнёва (депутат Госдумы от Тамбовской области) выдвигаться не будет, а местные лидеры непарламентских партий в Тамбовской области – несостоятельны в том, чтобы навязать борьбу кандидату от ЕР. Поэтому его вывод: выдвигенец от партии власти будет поддержан народом.

У А.В. Никитина не было антирейтинга, но у него был не выдающийся послужной список. Кроме того, на момент назначения Александру Никитину было всего 39 лет. До него кандидаты в возрасте до 40 лет довольно редко становились губернаторами. За годы правления Б.Н. Ельцина в регионах работали 20 «молодых» губернаторов: Ю.В. Власов – 30 лет (1991); Н.М. Волков – 39 лет (1991); В.В. Елагин – 36 лет (1991); Ю.В. Комаровский – 39 лет (1991); В.С. Кузнецов – 37 лет (1991); Б.Е. Немцов – 32 года (1991); Н.А. Полуянов – 39 лет (1991); М.М. Прусак (1991) – 31 год; Ю.К. Шафраник – 39 лет (1991); В.Н. Туманов – 34 года (1992); Р.С. Аушев – 38 лет (1993); К.Н. Илюмжинов – 31 год (1993); Н.В. Фёдоров – 35 лет (1994); Б.В. Аюшиев – 36 лет (1996); В.Я. Бутов – 38 лет (1996); В.Г. Малеев – 32 года (1996); Е.Э. Михайлов – 33 года (1996); А.М. Семер-

нёв – 37 лет (1996); А.Л. Черногоров – 37 лет (1996); Б.Б. Жамсуев – 38 лет (1997).

В первый и второй президентские сроки В.В. Путина государственные должности руководителей высшего государственного органа исполнительной власти в субъектах Российской Федерации заняли 10 «молодых» губернаторов: Р.А. Абрамович – 34 года (2001); Л.И. Маркелов – 37 лет (2001); Л.В. Коротков – 36 лет (2001); С.М. Дарькин – 37 лет (2001); А.Г. Хлопонин – 35 лет (2001); М.В. Кузнецов – 36 лет (2004); А.Г. Тишанин – 39 лет (2005); В.В. Якушев – 37 лет (2005); Р.А. Кадыров – 30 лет (2007); А.А. Кузьмицкий – 39 лет (2007).

Во время президентского срока Д.А. Медведева высшими должностными лицами субъектов РФ стали 6 персон в возрасте до 40 лет: Р.В. Копин – 34 года (2008); Н.Ю. Белых – 33 года (2009); А.А. Турчак – 33 года (2009); Д.Н. Кобылкин – 38 лет (2010); Р.Б. Темрезев – 34 года (2011); А.В. Островский – 36 лет (2012).

В третий и четвёртый президентские сроки В.В. Путина государственные должности руководителей высшего государственного органа исполнительной власти в субъектах Российской Федерации заняли 11 «молодых» губернаторов: В.В. Владимиров – 38 лет (2014); А.А. Козлов – 34 года (2015); А.В. Никитин – 39 лет (2015); А.А. Алиханов – 31 год (2017); А.С. Никитин – 37 лет (2017); М.Г. Решетников – 38 лет (2017); Д.А. Артюхов – 30 лет (2018); А.Е. Клычков – 39 лет (2018); В.О. Коновалов – 31 год (2018); А.В. Цыбульский – 39 лет (2018); Б.С. Хасиков – 39 лет (2019). Поэтому назначение А.В. Никитина усиливало обозначившийся тренд на омоложение.

Таблица 1

Биография А.В. Никитина

С июня 2011	секретарь ТРО ВПП «Единая Россия
2011-2015	депутат Тамбовской областной Думы; председатель Тамбовской областной Думы V созыва
2010	депутат, председатель комиссии по бюджету и экономике Мичуринского ГСД IV созыва
2009-2011	ректор МичГАУ
2004-2009	проректор по экономике и инновациям МичГАУ

А.В. Никитин: победа на губернаторских выборах

Политический транзит губернаторского корпуса в России следует рассматривать с точки зрения смены доминирующих акторов политики. Например, причина отставок губернаторов в марте 2019 г. – Б.А. Дубровского (Челябинская область), А.В. Бердникова (Алтайский край), А.М. Орлова (Республика Калмыкия), Ю.А. Берга (Оренбургская область), М.В. Ковтун (Мурманская область) – в отставке О.М. Говоруна. 20 апреля 2019 г. он лишился должности начальника Управления Администрации Президента по приграничному сотрудничеству. Как известно, Олег Говорун – ближайший соратник Владислава Суркова.

Во времена Олега Бетина сложились патерналистские отношения «Бетин – Полтавченко». В 2011 г. в регионе возникла поддерживаемая Центром контрэлита в лице А.В. Никитина и А.В. Кондратьева, а в 2015 г. завершилась фаза политического транзита первого лица области. Эксперты считают, что это случилось во многом благодаря отношениям «Никитин – Володин».

Возможность «прямого доступа» к президенту РФ фактически означает гарантированную влияние персоны. А если эта персона ещё и подчиняется только президенту, то тогда мы говорим об её исключительности. Каждая ступенька в карьерной лестнице В.В. Володина выше предыдущей. С должности руководителя аппарата Правительства – заместителя Председателя Правительства РФ (2010–2011), Вячеслав Володин сначала перешёл на должность первого заместителя руководителя Администрации Президента России (2011–2016), а затем стал Председателем Госдумы (с 2016 г. по настоящее время). На выборах в Государственную Думу VII созыва Вячеслав Володин избирался во главе региональной группы по 15 избирательному округу, который включает Саратовскую (Радаев), Волгоградскую (Бочаров), Пензенскую (Белозерцев) и Тамбовскую (Никитин) области. Володин четырежды приезжал с официальными визитами на Тамбовщину: 3 сентября 2016 г., 4 августа 2017 г., 4 сентября 2018 г. и 25 июля 2019 г. В своем интервью эксперт А несколько раз акцентирует внимание на том, что «Александр Никитин – это благодарный Вячеславу Володину человек».

В условиях возвращения процедуры прямых выборов губернаторов при назначении первых лиц регионов активизировалось участие лидеров крупных элитных групп [11, с. 157]. В силу того, что современные выборы губернаторов в России – это механизм легитимации состоявшегося кадрового решения по назначению временно исполняющего обязанности губернатора [10, с. 31], в Тамбовской области было необходимо создать все условия для выбора кандидата от партии власти, подобрать таких оппонентов, которые не снимут свои кандидатуры перед единым днём голосования.

13 сентября 2015 г. жители избрали главой администрации Тамбовской области А.В. Никитина (85,47 % голосов) [24]. Примечателен тот факт, что, по данным нашего исследования, спустя четыре года после губернаторских выборов ни один из зарегистрированных тогда кандидатов (Сафонов, Жидков, Куприянов, Худяков), сейчас не появляется в рейтинге влиятельности. А, следовательно, они и тогда не могли составить конкуренцию инкубменту Никитину.

Однако, по мнению экспертов, интересным кандидатом на пост губернатора в 2015 г. был Владимир Груздев. В Тамбовской области нет людей, сопоставимых с ним по финансовым ресурсам. Впервые Груздев появился в Тамбовской области в качестве одного из альтернативных кандидатов от партии «Единая Россия», предложенных к рассмотрению Президенту РФ на должность губернатора Тамбовской области ещё в 2011 г. [25]. Заместитель губернатора Олег Иванов в интервью газете «Коммерсантъ» заметил, что «...была проведена определенная работа, и этот человек интерес к нам потерял» [26]. Понятно, что решающую часть этой работы провел Центр, и 22 сентября 2015 г. именно А.В. Никитин вступил в должность главы администрации области.

Заключение

О возникновении влиятельности Александра Никитина следует говорить с момента его избрания на должность председателя Тамбовской областной Думы. Такое решение федерального центра носило многофакторный характер и продиктовано необ-

ходимостью ослабления позиций действующего тогда губернатора О.И. Бетина. «Второе лицо» области теперь выступает контроэлитой по отношению к губернатору.

В 2015 г. политический транзит в Тамбовской области завершается. Президент РФ назначает А.В. Никитина врио главы администрации области. Федеральные и тамбовские эксперты сходятся во мнении, что фактически это означает победу на предстоящих сентябрьских выборах. При поддержке федеральных элит список кандидатов на выборы-2015 был сделан максимально однородным. На выборах 13 сентября 2015 г., по сути, произошла легитимация состоявшегося кадрового решения по назначению инкубента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты России / под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: ИСАНТ, 2004.

2. Туровский Р.Ф. Институциональный дизайн российской региональной власти: кажущаяся простота? // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5. С. 82–92.

3. Богатырева Л.В. Механизмы рекрутирования глав региональных законодательных собраний (на примере регионов ЦФО) // *Политическая наука*. 2012. № 1. С. 175–189.

4. Сельцер Д.Г., Топорков С.С. К дискуссии об оптимальных моделях формирования Законодательных Собраний регионов России // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2009. № 4 (72). С. 17–27.

5. Реутов Е.В. «Назначение» губернаторов в России: итоги эксперимента // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2012. №13 (132), вып. 23. С.174–180.

6. Семенова В.Г. Возврат к прямым выборам губернаторов: новые технологии управляемой демократии // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 84–90.

7. Зулярь Ю.А. Институт губернаторства как отражение политической системы современной России: иркутский сюжет // *Иркутский историко-экономический ежегодник*. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С.62–82.

8. Шуликов А.О. Влияние федерального центра на формирование региональной политической элиты // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2015. № 1. (<https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/630>). Просмотрено: 30.04.2019.
9. Махора Е.В. Выборы глав регионов в России в 2015 году (анализ процесса избирательной кампании и ее результатов) // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2016. №2. С.49–55.
10. Мамзев И.А. Губернаторские выборы 2012–2018 годов в России: становление, состояние, перспективы // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Том 5, № 1. С. 20–35.
11. Деева Д.М. Институт губернаторства в стратегиях российской власти // Власть. 2013. Том 21, №4. С. 156–159.
12. Соловьев Д.С. Развитие института губернаторства в условиях трансформации российской избирательной системы // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 2 (80). С. 138–143.
13. TambovNews. (2015) ВРИО главы администрации Тамбовской области Александр Никитин [видеозапись с заседания в Большом зале администрации области от 2 июня 2015 года] // YouTube. 2 июня (<https://www.youtube.com/watch?v=a134VYVP3gs>). Просмотрено: 07.01.2020.
14. Мичуринский ГАУ. (2011) Спикером Тамбовской областной думы избран А.В. Никитин [видеозапись новостного сюжета «Вести-Тамбов»] // YouTube. 5 апреля (<https://www.youtube.com/watch?v=e86m25ear9o>). Просмотрено: 11.04.2019.
15. ErBryansk. (2011) Межрегиональная конференция. Брянск [2-я часть] [видеозапись конференции «Развитие Центральной России 2011–2012»] // YouTube. 7 марта (<https://www.youtube.com/watch?v=WF14tASl6jc>). Просмотрено: 12.04.2019.
16. О досрочном прекращении полномочий главы администрации Тамбовской области: Указ Президента РФ от 25.05.2015 № 265 // Сайт Администрации Президента России (<http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201505250032.pdf>). Просмотрено: 12.04.2019.
17. Рейтинг Фонда «Петербургская политика» за февраль 2015 года // Сайт Фонда развития общественных связей «Петербургская политика» (<https://fpp.spb.ru/fpp-rating-2015-02>). Просмотрено: 14.04.2019.
18. Рейтинг Фонда «Петербургская политика» за апрель 2015 года // Сайт Фонда развития общественных связей «Петербургская политика» (<https://fpp.spb.ru/fpp-rating-2015-04>). Просмотрено: 11.04.2019.
19. Рейтинг Фонда «Петербургская политика» за май 2015 года // Сайт Фонда развития общественных связей «Петербургская политика» (<https://fpp.spb.ru/fpp-rating-2015-05>). Просмотрено: 11.04.2019.

20. Тамбовская область в ожидании окончания третьего срока Олега Бетина: интервью эксперта // Сайт ИА REGNUM (<https://regnum.ru/news/1286690.html>). Просмотрено: 13.04.2019.

21. Перспективному депутату Госдумы прочат место тамбовского губернатора // Сайт ИА REGNUM (<https://regnum.ru/news/1924024.html>). Просмотрено: 13.04.2019.

22. Кто «стопроцентно проходим»: тамбовские политологи о выборах губернатора // Сайт ИА REGNUM (<https://regnum.ru/news/1928694.html>). Просмотрено: 16.04.2019.

23. Николенко К. Кирилл Николенко: Кремль сделал выводы из прошлогодних поражений своих протеже // Сайт Давыдов.Индекс (<https://davydov.in/region/otstavki-gubernatorov-2019-konec-pervoj-volny/ki-rill-nikolenko-kreml-sdelal-vyvody-iz-proshlogodnix-porazhenij-svoix-protvezhe/>). Просмотрено: 24.04.2019.

24. О результатах выборов главы администрации Тамбовской области: постановление Избирательной комиссии Тамбовской области от 14 сентября 2015 года №186/1015-5 // Сайт Избирательной комиссии Тамбовской области (http://tambov.izbirkom.ru/etc/1015_o_rezultatah_vyborov_glavy_ato.doc). Просмотрено: 14.04.2019.

25. Президенту представлены списки кандидатов на посты губернаторов Калужской и Тамбовской областей // Сайт Администрации Президента России (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/7884>). Просмотрено: 14.04.2019.

26. Инютин В. «Выборы идут правильно» // Сайт газеты «Коммерсантъ» (<https://www.kommersant.ru/doc/2790120>). Просмотрено: 22.04.2019.

RESOURCES OF INFLUENCE OF THE TAMBOV GOVERNOR

A.V. NIKITIN

Solovyov Dmitry Anatolievich, G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, Tambov, Russia, postgraduate student in the direction of preparation 41.06.01 “Political Science and Regional Studies”, dmitry.a.solovev@yandex.ru

The article considers of influence of the head of administration of Tambov region A.V. Nikitina are studied.

Key words: influence, federal power, governor, election of governor, elite

ИЗУЧЕНИЕ ПОГРОМОВ В ГОРОДАХ РОССИИ В 1917–1918 ГГ. С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ САМООРГАНИЗОВАННОЙ КРИТИЧНОСТИ¹

КАНИЩЕВ Валерий Владимирович

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей и российской истории,
e-mail: valcan@mail.ru

ЖУКОВ Дмитрий Сергеевич

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных отношений и политологии,
e-mail: ineternatum@mail.ru

Статья представляет результаты количественного анализа бунтов в городах России в период революций 1917–1918 гг. Исследование базируется на обширной базе данных, которая содержит сведения о более чем 600 насильственных событиях. Авторы анализируют динамику, формы, требования, состав участников бунтов. Теория самоорганизованной критичности (СОК) была использована для изучения нелинейных эффектов, возникавших в ходе социального движения. Обнаружено, что некоторые исследованные динамические ряды представляют собой розовый шум, который является атрибутом СОК. Это указывает на то, что российское общество в целом находилось в состоянии самоорганизованной критичности. Этот процесс накопления напряжения был обусловлен не только кратковременными факторами военного времени, но имел долгосрочные предпосылки во всей противоречивой эпохе пореформенной модернизации.

Ключевые слова: самоорганизованная критичность, городские бунты, погромы, революция.

Введение

Одним из проявлений инноватики как востребованности обществом новых результатов научно-технической деятельности стало распространение в социо-гуманитарном предметном

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проекты № 18-09-00365, № 17-06-00082.

пространстве подходов и методов естественных наук. Строгость и четкость этих методов позволяют социальным и гуманитарным наукам становиться более объективными и нацеленными на получение практически применимого знания.

В частности, одним из продуктивных эпизодов такого междисциплинарного диалога является обращение гуманитариев к теории самоорганизованной критичности (далее – СОК). Уже в классических трудах по теории СОК можно встретить немало утверждений о её применимости для объяснения многих социальных феноменов [1; 2].

В ходе предшествующих исследований авторы этих строк убедились в том, что теория СОК является удобным инструментом для анализа протестных движений, не организованных политическими партиями. К числу таких явлений относятся городские погромы как насильственно-разрушительные и захватные действия с неясной для историков природой возникновения.

Объектом нашего исследования являются числовые ряды, содержащие понедельные количества городских бунтарских событий в России с конца февраля 2017 года (с 8-ой недели от начала отсчёта) по август 2017 года (85-ая неделя).

Для анализа были взяты понедельные ряды по городам России, а также ряды, полученные в результате разбивки событий по основным регионам, по составу участников, по формам выступлений и по характеру требований. Это позволило нам исследовать не только динамику общего количества событий, но разложить эту динамику в зависимости от того «где бунтовали», «кто бунтовали», «как бунтовали» и «чего хотели».

Исходные данные были получены нами из БД «Погромы в городах России в 1917–1918 годах», созданной в лаборатории социальной истории ТГУ имени Г.Р. Державина под руководством В.В. Канищева. Методика составления БД и использованные исторические источники представлены в специальных статьях [3; 4]

БД содержит сведения о более чем 600 городских бунтах (погромах) на территории современной России, зафиксированных в архивных документах Министерства внутренних дел Временного правительства и Народного комиссариата внутрен-

них дел Советского правительства. Это самосуды, разгромы государственных учреждений и торговых заведений, расхищение товаров и иные подобные действия. БД находится в открытом доступе: <http://ineternum.ru/bunti/>.

Задача исследования: проверка гипотезы о наличии розового шума в динамике городских волнений. Это позволило бы утверждать, что городские сообщества в исследуемый период находились в состоянии критичности и, следовательно, социальные процессы могут быть интерпретированы с привлечением наработок теории СОК.

Подходы и методы

Самоорганизованная критичность может возникать в системах, обладающих некоторыми свойствами, которые довольно часто встречаются в социо-политической реальности. Такие системы должны состоять из множества связанных элементов и демонстрировать – хотя бы некоторое время – целостность. Принципиально важным также является наличие петель причинно-следственных связей.

Если система находится в состоянии критичности, это, среди прочего, означает, что любые события – даже локальные и незначительные – могут инициировать слабозатухающие причинно-следственные цепочки, могущие распространиться по всей системе. Поэтому микроуровневые события могут оказывать влияние на глобальное поведение системы.

Благодаря множественности связей (в том числе петлеобразных), некоторые причинно-следственные цепочки могут в разной мере усиливаться, другие – в разной мере ослабляться. Такие колебания разных масштабов (без характерной – доминирующей – частоты) являются розовым шумом ($1/f$ -шумом) – рисунок 1А.

Розовый шум подобен волне, по которой идёт мелкая волна, а по ней, в свою очередь, рябь и т.д. Это фрактальный процесс, где изменения на длительных отрезках (и в большом масштабе) в некотором смысле подобны изменениям на коротких отрезках [16]. Изменения параметров системы могут быть зафиксиро-

рованы в виде динамического ряда, который может быть идентифицирован как розовый шум или иной тип сигнала.

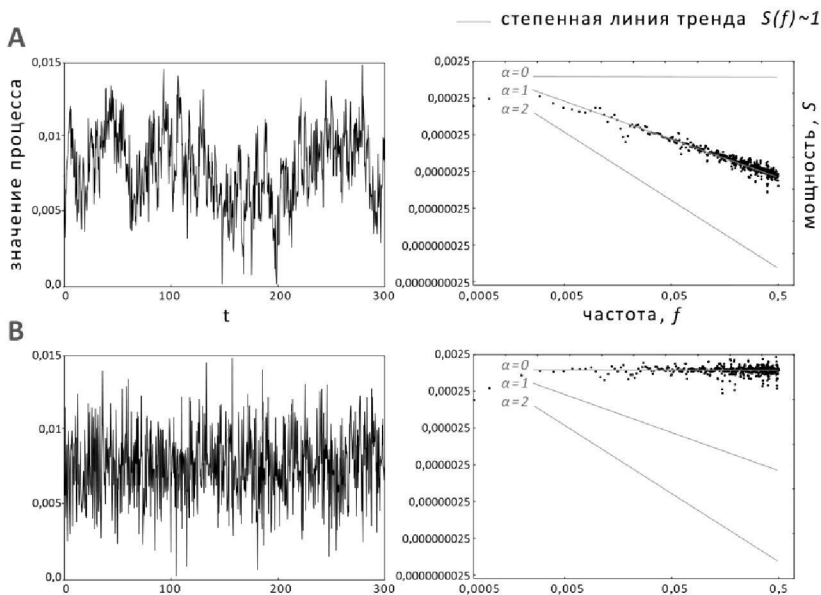

Рис. 1. Примеры и спектрограммы сигналов:
А – розовый шум; В – белый шум

В самоорганизованно-критических системах могут возникать лавины – быстрые и значительные отклонения основных параметров, – которые в реальности обуславливают разрушение системы и/или её скачкообразную качественную трансформацию. Несмотря на то, что многие системы пребывают в состоянии СОК весьма долго, розовый шум является предвестником катастроф.

Розовый шум и, затем, лавины формируются ординарными – вполне «обыденными» – микроуровневыми процессами, которые могут быть запущены слабыми и короткими импульсами-инициаторами (например, внешними влияниями или случайными событиями). Сложная внутренняя структура целостной системы не даёт начальным импульсам затухнуть. Множество

взаимодействующих элементов системы не могут прийти в равновесие.

Процессы, ведущие к лавине, являясь ординарными, долгое время остаются почти незаметными или рассматриваются наблюдателями как непредставляющие угрозы для системной стабильности. Такие процессы долгое время не вызывают никаких катастрофических последствий, поэтому лавина (социо-политическая катастрофа) субъективно представляется «неожиданной и беспричинной». Немаловажно также и то, что лавина не нуждается в длительном периоде подготовки. Она выглядит как нарушение соразмерности причин и следствий. Ведь события, которые бывают непосредственными предшественниками лавин, во многих случаях, являются лишь малозначимыми поводами. Такие поводы непременно находятся, если система обладает значительным трансформационным потенциалом.

Критическое состояние, будучи динамическим равновесием, подобно растянутой во времени точке бифуркации. Это обусловлено тем, что некоторые системы способны сами настраивать управляющие параметры нужным образом, то есть самоорганизовываться в критическое состояние. Это происходит благодаря сопряжению роста напряжения с релаксацией [10, с. 93].

Теория СОК вынуждает, в некоторых случаях, трактовать «затишье» не как проявление прочности и устойчивости системы, а как временный эпизод «прерывистого равновесия», в ходе которого процессы, ведущие к лавине, не исчезают и даже, возможно, не ослабевают. «...Это явление [прерывистого равновесия], – пишет Г.Г. Малинецкий, – наблюдается в процессе биологической эволюции, функционировании социальных и технических систем. Типичной оказывается ситуация, когда в течение очень большого времени ничего заметного не происходит, а затем стремительные изменения кардинально меняют облик системы, наступает время революций, что, разумеется, не отменяет множества мелких событий, которых мы просто не замечаем» [9, с. 39].

Розовый шум выявляется посредством спектрального анализа динамических рядов (изменений параметров системы во времени). Если в спектрограмме «мощность – частота» прослеживается

степенной тренд, то показатель степенного закона ($\alpha \approx 1$) позволяют определить исследуемый ряд как розовый шум. Если $\alpha \approx 0$, то мы, возможно, имеем дело с хаотичным белым шумом (рисунок 1В), хотя для однозначной идентификации белого шума требуются иные аналитические инструменты. П. Бак – один из основателей теории СОК – указывал, что α для розового шума может принимать значения от 0 до 2 [1, с. 69]. Очевидно, что ближе к границам этого диапазона розовый шум плавно переходит, соответственно, в белый и красный.

Достоверность тренда и, следовательно, репрезентативность показателя α мы устанавливали с помощью стандартного инструмента R^2 . Чем ближе значение R^2 к 1, тем точнее тренд аппроксимирует данные. Безусловно, в реальных данных трудно ожидать идеальные значения R^2 .

В данном исследовании мы исходили из того, что применение теории самоорганизованной критичности предполагает анализ только тех числовых рядов, которые насыщены достаточным количеством событий. Поэтому не все извлеченные из базы данных ряды были рассмотрены, поскольку не все они содержали достаточное количество событий. Из анализа были исключены ряды, в которых число ненулевых значений было менее 33%.

Поскольку розовый шум может быть строго идентифицирован, он может служить удобным и репрезентативным индикатором для выявления «лавиноопасных» систем. Обнаружение розового шума в сигналах, которые генерируются системами, позволяет разрабатывать гипотезы и давать объяснения на основании теории СОК.

Экспансию подходов и методов теории самоорганизованной критичности в различных – в частности, в социальных и гуманитарных – науках поддержал ряд исследователей: М. Бьюкенен [15], Г. Бранк [12; 13; 13], Г.Г. Малинецкий [8; 9], Л.И. Бородкин [5], А.В. Подлазов [10].

Результаты

В 2018–2019 гг. база данных о городских погромах в России 1917–1918 гг., созданная первоначально в 2000-х гг., была суще-

ственно обновлена, что позволило уточнить ранее полученные результаты.

Прежде всего, мы построили графики, отразившие интенсивность городских бунтарских событий в 1917–1918 годах (общие сведения по России и выборки по некоторым критериям) – рисунки 2–7.

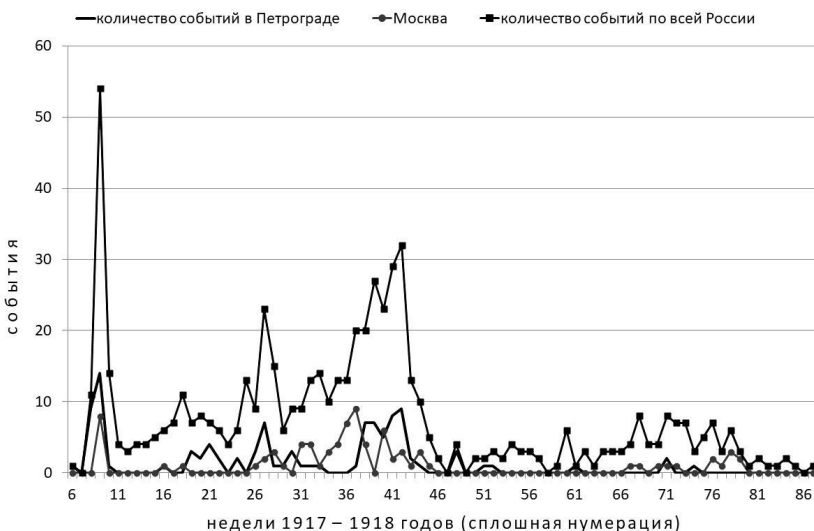

Рис. 2. Интенсивность городских бунтарских событий в 1917–1918 годах в столицах и в России в целом

График на рисунке 2 достаточно очевидно показывает, что пик погромных выступлений 8–9-ой недель (конец февраля – начало марта) в столицах и по России в целом полностью совпал с Февральской революцией в Петрограде и на местах, что говорит о значительной роли самоорганизации масс в событиях этой революции.

Очередной резкий подъем погромов в городах России в целом и в Петрограде произошел на 27-ой неделе (первые числа июля) и совпал с июльскими событиями в первой столице. До сих пор историки спорят об уровне организованности выступления солдат гарнизона и поддержавших его горожан. Наши данные

свидетельствуют о том, что погромные проявления этих дней имели самоорганизованный характер.

Вместе с тем, на графике видна «самостийность» московских погромов, график которых с этого времени вплоть до марта 1918 г. перестал совпадать с общероссийской «картиной», в том числе и в октябре 1917 г.

Второй по интенсивности – октябрьский – пик городских погромов в Петрограде и в «великорусских» губерниях в целом пришелся на 41–42-ую недели (середина октября до 20-х чисел). Мы получили подтверждение правоты ленинских слов о том, что большевики в период подготовки вооруженного восстания должны были использовать высокий подъем активности масс. Спад погромного движения уже в конце октября 1917 г. подтверждает тезис о том, что Советы, придя к власти, сумели быстро навести «революционный порядок».

Некоторый подъем числа погромов на 64–79-ой неделях (середина марта – начало июля 1918 г.), совпавший с известным ростом протестных выступлений и мятежей на территории Советской России, хотя и был продолжительным, по интенсивности не достиг уровня октября 1917 г. Интересно заметить, что в эти месяцы совпадала погромная активность в Москве и в городах Советской России в целом. Мы видим в этом взаимосвязанность событий и настроений в столице и провинции и, соответственно, их не случайность.

График на рисунке 3 объясняет, что все перечисленные выше пики погромной активности главным образом были результатами действий «горожан вообще», то есть неопределенных толп погромщиков.

Отраженная на рисунке 4 динамика погромов на почве продовольственного и другого товарного голода показывает их пик в октябре 1917 г. и опять-таки подтверждает слова В.И. Ленина о наивысшем уровне нужды и бедствий народных масс в этот период. Правда, подъем кривой графика весной-летом 1918 г. говорит о том, что и Советская власть не смогла обеспечить городское население необходимыми товарами, доводя его до всплесков погромного отчаяния.

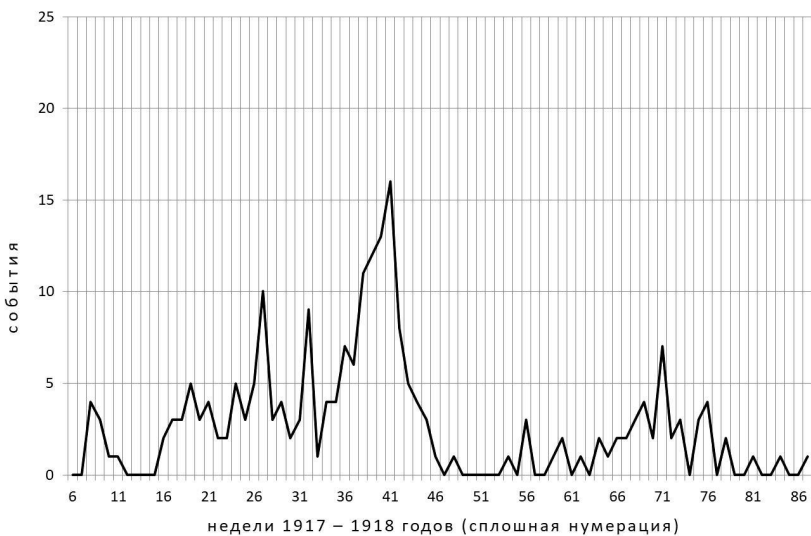

Рис. 3. Интенсивность городских бунтарских событий с участием лиц категории «горожане вообще»

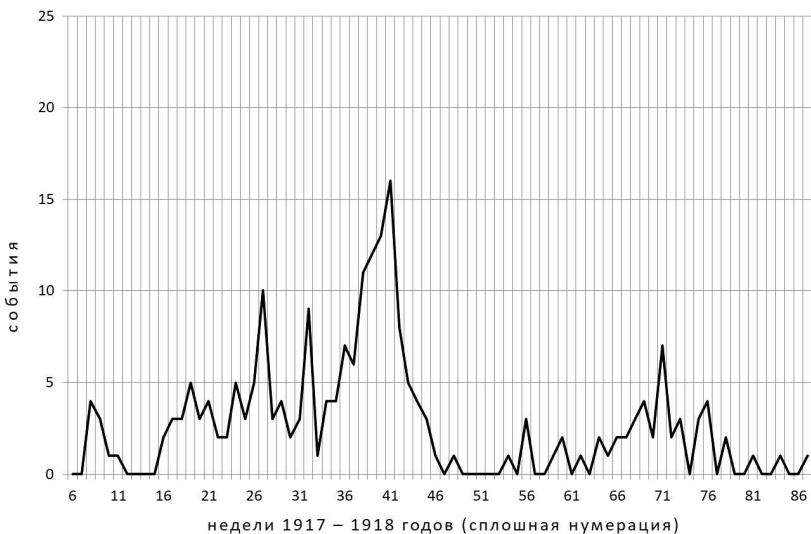

Рис. 4. Интенсивность городских бунтарских событий с требованиями выдачи хлеба и других важных продуктов и товаров

На рисунке 5 мы как раз видим, что интенсивность погромов с антибуржуазными и антисоветскими требованиями неоднократно совпадала.

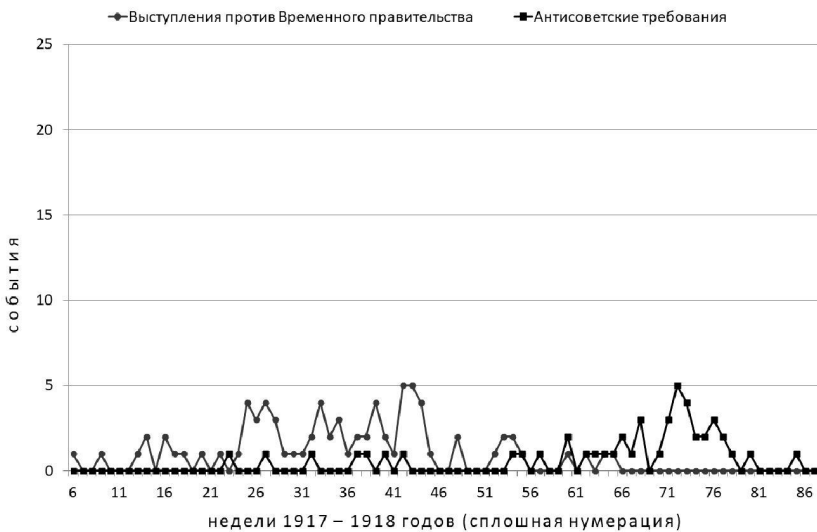

Рис. 5. Интенсивность городских бунтарских событий с выражением недовольства Временным правительством и «буржуазией» и антисоветскими требованиями

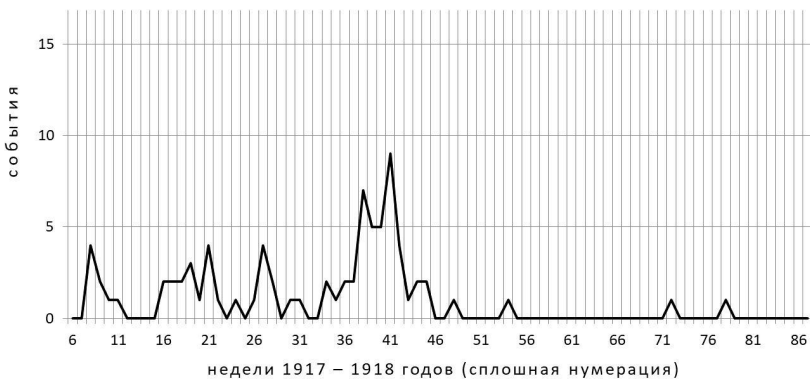

Рис. 6. Интенсивность городских бунтарских событий, проходивших в форме погромов частных торговых заведений и квартир

Специфичность графика на рисунке 6 состоит в том, что он отразил изменения в возможностях участников погромов удовлетворять «товарный голод» за счет владельцев торговых заведений и других обеспеченных людей. Погромы частных торговых заведений и квартир, достигшие максимума в октябре 1917 г., в 1918 г. практически сократились до нулевых значений. Грабить уже было некого. Поэтому протест направлялся против Советского государства.

При этом, как видно из графика на рисунке 7, погромщики, выдвигавшие в октябре 1917 г. максимум анархических требований (то есть отрицание государства в лице Временного правительства весной-летом 1918 г.) не проявили столь резкого отрицания Советского государства, видимо, смирившись с ним и требуя только удовлетворения самых насущных потребностей.

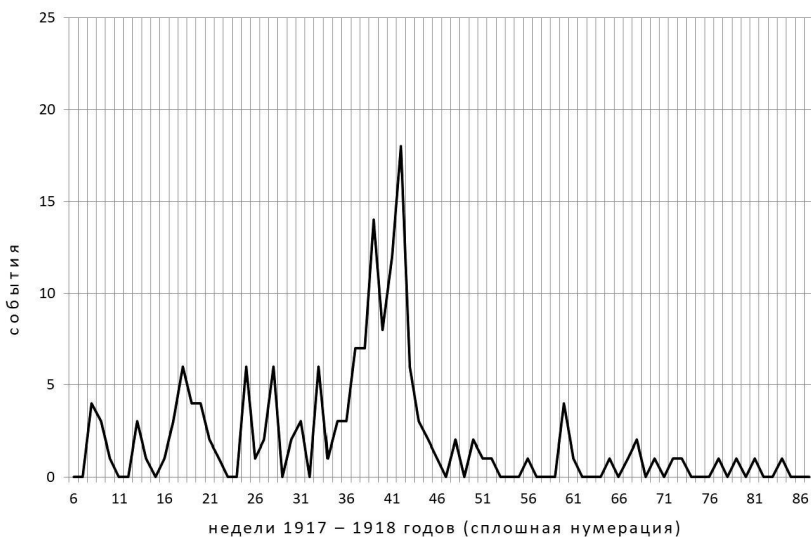

Рис. 7. Интенсивность городских бунтарских событий с чисто анархистскими требованиями

Результаты анализа (показатели степенного закона и индексы R^2) представлены в таблице 1. На рисунке 8 представлены примеры полученных спектрограмм.

Таблица 1

**Идентификации розового шума
в динамике городских бунтарских событий**

Динамический ряд	α	R^2
РЕГИОНЫ		
Все регионы	0,773	0,6982
Москва	0,563	0,4518
Петроград	0,826	0,3962
Поволжье	0,497	0,4017
Северный Кавказ и Крым	0,396	0,2154
Северо-Запад	–	–
Сибирь	–	–
Урал	–	–
Центрально-Промышленный район	0,302	0,1329
Центрально-Черноземный район	0,369	0,2025
УЧАСТНИКИ		
Горожане вообще	0,716	0,6086
Промышленные рабочие	0,364	0,2208
Солдаты, матросы	0,342	0,3143
ФОРМЫ		
Погромы государственных учреждений и органов самоуправления	0,473	0,2467
Погромы частных торговых заведений, квартир	0,981	0,535
Самосуды и другие стихийно-насильственные действия против отдельных лиц	0,356	0,3099
Стихийные волнения вообще	0,261	0,1411
Стихийные массовые обыски и разграбление частного имущества	0,554	0,1814
Стихийные продовольственные волнения вообще	0,509	0,2817
ТРЕБОВАНИЯ		
Антисоветские требования, настроения вообще	0,748	0,3665
Выступления против Временного правительства, его органов, «буржуазии»	0,907	0,5566
Требования удаления, смены отдельных должностных лиц	0,534	0,534
Требования выдачи и захват хлеба, других важных продуктов и товаров	1,061	0,664
Чисто анархистские требования	0,935	0,6404

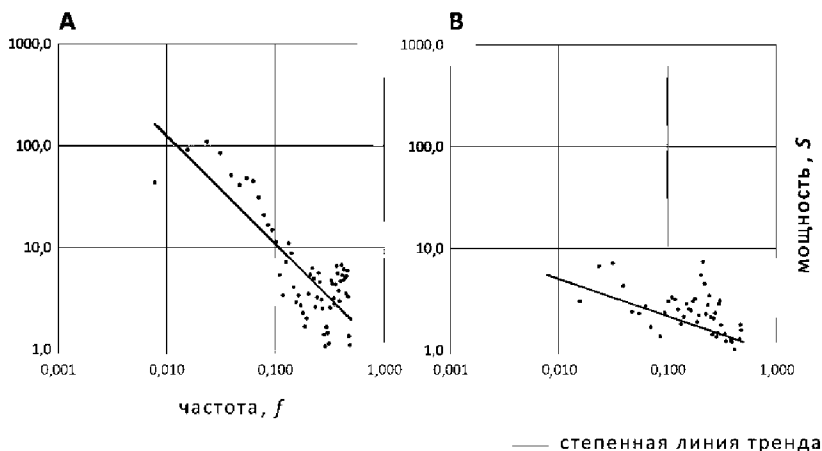

Рис. 8. Спектрограммы динамики погромов в 1917–1918 гг.: А – события с требованием выдачи хлеба; В – события с участием рабочих

Интерпретации

Бунтарская активность в городах России в 1917–1918 годах в значительной мере имела характер розового шума (таблица 1). Однако этот результат, очевидно, находится под сильным влиянием показателей Петрограда и Москвы. Прочие регионы демонстрировали несколько меньшую (хотя и не нулевую) величину α . Это указывает на то, что общество, как минимум, в столицах находилось в состоянии самоорганизованной критичности. События и процессы на микроуровне генерировали всплески активности всех масштабов, в том числе лавины – значительные социальные потрясения.

Для возникновения таких лавин не был необходим мощный и хорошо заметный экстраординарный дестабилизирующий фактор (что, конечно, не исключает подобных факторов). Лавины (как и всплески активности средней и малой величины) могли возникать под воздействием вполне ординарных несильных причин благодаря имманентным свойствам самого общества. Внутри социума – на микроуровне – некие деструктивные процессы не затухали. Время от времени та или иная комбинация

этих процессов генерировала вспышки активности, которые могли и не иметь хорошо видимых соразмерных причин.

Рассматривая состояние региональных обществ (таблица 1), заметим, что в большинстве регионов показатель степенного закона близок к нулю – это не розовый шум. Весьма вероятно, здесь мы имеем дело с более хаотичными числовыми рядами, что можно рассматривать как появление стихийности погромных событий. Крупные регионы с десятками городов, очевидно, не имели внутреннего социального единства, и соответственно не могли быть целостными резервуарами для самоорганизованного накопления протестного потенциала. Исключениями являются столичные Петроград и Москва. В агрегированных данных по крупным регионам (Поволжье, Центрально-Черноземный район и пр.) показатели самоорганизованной критичности просто тонут в большой массе случайных сугубо стихийных событий.

Но в масштабах всей рассмотренной совокупности городских погромы 1917–1918 гг. имеют характер розового шума. Это указывает на то, что российское общество в целом находилось в состоянии самоорганизованной критичности.

Заметим, что в рамках всей России некоторые ряды событий (выборки по участникам, по формам или по требованиям) также имели самоорганизованно-критическую природу. Рассматривая различные выборки, мы можем увидеть, какие именно субъекты бунтарского движения (в какой форме и по каким поводам) генерировали розовый шум и, следовательно, находились в состоянии критичности.

Динамика событий с участием солдат и промышленных рабочих (таблица 1) не является розовым шумом. Солдаты и рабочие, вероятно, не были самодостаточным бунтарским субъектом. Их выступления в 1917–1918 годах главным образом были либо стихийно-хаотичными, либо организованными политическими партиями или общественными организациями.

Ряд событий с участием «горожан вообще» демонстрирует критичность. Категория «горожан вообще» довольно расплывчатая и является, вместе с тем, многочисленной. Солдаты, крестьяне и рабочие в документах, как правило, фиксировались вполне определённо, поскольку обладали узнаваемым социаль-

ным обликом. А вот средние слои, смешанные с частью городских низов, в большинстве случаев фиксировались как горожане без упоминания социальной принадлежности. Полагаем, мы получили еще одно подтверждение того, что Революция 1917 г. была во многом движением толпы, из которой сложно вычленить конкретные группы населения.

Житейские неурядицы, вызванные длительной войной и экономическими проблемами, пошатнули благосостояние средних и особенно низших слоёв горожан, усилили социальное напряжение в российском городском социуме. Этот процесс накопления напряжения был обусловлен не только кратковременными факторами военного времени, но имел долгосрочные предпосылки во всей противоречивой эпохе пореформенной модернизации.

Мы уже обращали внимание на длительные процессы формирования самоорганизованной критичности в крестьянской среде [19].

Полагаем, что параллельно и взаимосвязано такие же процессы шли в среде горожан. Традиционные институты самоорганизации горожан – «общества» (мещанские, купеческие, ремесленные и т.д.) – по определению не являлись организаторами и проводниками протестного социального активизма. В пореформенный период они постепенно трансформировались. Но к началу XX в. только начинали приобретать организованную форму профессиональных союзов. В большей мере это были простейшие организации взаимопомощи, не готовые еще решать крупные социально-экономические проблемы и, соответственно, предотвращать резкий социальный протест своих членов.

Реформы 1860-х годов повысили мобильность населения. Города стали наполняться крестьянами, ищущими средства к существованию. Современные промышленность, транспорт, торговля поглощали лишь малую долю новых рабочих рук. Большая часть сельских мигрантов в городах попадала в неустойчивую сферу наемного труда, прислуги и чернорабочих. Поэтому маргинализация приобрела к началу XX в. огромные размеры. Благосостояние и социальный статус большинства горожан были призрачными, мерцающими.

Мировая войны и революционные процессы 1917–1918 гг. дополнили эти проблемы разорением средних слоёв – ремесленников, домовладельцев, торговцев и других мелких хозяев. Они оказались перед угрозой перехода в низкий, по их представлениям, разряд наемных работников. Это крайне возбуждало «мелкого буржуа», делало его бунтарем, подталкивало к действиям совместно с низшими слоями.

В динамических рядах, отражающих интенсивность различных форм бунтарских событий, розовый шум уверенно фиксируется только в погромах частных торговых заведений и квартир. Это следует объяснить тем фактом, что подобная форма наиболее соответствовала требованию хлеба. Именно в частных лавках бунтари и искали хлеб и, во многих случаях, спиртные напитки. А требование хлеба было ключевым требованием, которое «разогревало» бунтарские настроения.

События с разными требованиями (таблица 1) также, по большей части, составляют ряды, являющиеся розовым шумом. Немного отклоняются от этой закономерности события «с требованиями удаления, смены отдельных должностных лиц». Очевидно, неудовольствие конкретными персонами не имело системного характера, было проявлением больше характерного для стихийного русского бунта протеста против непосредственного источника зла.

Наиболее отчётливо розовый шум фиксируется в событиях, где звучали требования хлеба. Можем предположить, что требование хлеба являлось неизменным мотивом бунтарских событий, зачастую затрагивало интересы самых широких слоев горожан. Уровень напряжённости по этому вопросу воспроизводился более устойчиво, нежели по другим вопросам.

Недовольство Временным правительством и Советской властью одинаково являлось розовым шумом: объектом негативного отношения общества в то время была любая власть, которая не могла решить повседневные проблемы большинства городского сообщества или своими резкими мерами вторгалась в его интересы. Подобные умонастроения выражались и в анархистских лозунгах, которые также звучали в режиме розового шума.

Заклучение

Бунтарские события, безусловно, содержали значительный элемент хаоса, стихии. Системное ослабление правоохранительной системы на фоне обеднения населения и политической нестабильности привело к тому, что бунты могли быть вызваны самыми незначительными и случайными причинами. Тем не менее, мы полагаем, что внутри этой стихии можно выявить социальные сообщества, которые находились в состоянии критичности, были склонны к бунтарским событиям вне зависимости от силы конкретных поводов. Это, во-первых, столичные общества с огромной долей маргиналов и, во-вторых, средние слои с частью городских низов («горожане вообще»).

Анализируя динамические ряды, построенные по критерию «требования участников», мы обнаружили, что в обществе доминировала двуединая интенция: «уберите власть и дайте хлеба». Эта интенция обуславливала рост социального напряжения. Такое напряжение сбрасывалось в ходе насильственных акций разного масштаба.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бак П. Как работает природа: теория самоорганизованной критичности М.: УРСС, 2014. 276 с.
2. Sneppen K., Bak P., Flyvbjerg H., Jensen M.H. Evolution as a self-organized critical phenomenon // Proceedings of the National Academy of Sciences. 1995. Vol. 92. Issue 11. P. 5209–5213.
3. Канищев В.В., Баранова Е.В. Особенности формирования компьютерной базы данных как структурного элемента геоинформационной системы по истории погромного движения // Вестника Балтийского федерального университета имени Имманиула Канга. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1. С. 69–77.
4. Канищев В.В., Жуков Д.С. Количественные и качественные характеристики погромно-бунтарских выступлений в городах России в 1917–1918 гг. // Революция и бунт в российской истории Материалы всероссийской научной конференции. Составитель Г.В. Талина. 2017. С. 167–176.

5. Бородкин Л.И. Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических процессах // Международные процессы. 2005. Т.3. №7. С. 4–16.

6. Жуков Д.С. Самоорганизованно-критические модели в социо-гуманитарных исследованиях // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2018. № 1. С. 45-60. URL: http://vestnik.pstu.ru/biohim/archives/?id=&folder_id=7354 (дата обращения: 20.05.2018).

7. Жуков Д.С., Мовчко Ю.И. Степенные распределения и самоорганизованная критичность в социо-гуманитарном предметном пространстве: идентификация, моделирование и интерпретации // Про пунс. Современные политические процессы. 2017. № 2. С. 7–26. URL: <http://ineternum.ru/step/> (дата обращения: 20.05.2018).

8. Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Подлазов А.В. Историческая динамика. Взгляд с позиций синергетики // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша РАН. 2004. № 85. С. 1-16. URL: <http://library.keldysh.ru/preprint.asp?id=2004-85>

9. Малинецкий Г.Г. Чудо самоорганизованной критичности: вступительная статья // Бак П. Как работает природа: теория самоорганизованной критичности. М.: УРСС, 2013. С. 13-44.

10. Подлазов А.В. Новые математические модели, методы и характеристики в теории самоорганизованной критичности: дис. ... канд. ф-м. наук. М: Ордена Ленина Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, 2001. 120 с.

11. Biggs M. Strikes as Forest Fires: Chicago and Paris in the Late Nineteenth Century // *American Journal of Sociology*. 2005. Vol. 110. Issue 6. P. 1684–1714.

12. Brunk G.G. Self-Organized Criticality: A New Theory of Political Behaviour and Some of Its Implications // *British Journal of Political Science*. 2001. Vol. 31. Issue 2. P. 427–445.

13. Brunk G.G. Why Are So Many Important Events Unpredictable? Self-Organized Criticality as the “Engine of History” // *Japanese Journal of Political Science*. 2002. Vol. 3. Issue 1. P. 25–44.

14. Brunk G.G. Why Do Societies Collapse? A Theory Based on Self-Organized Criticality // *Journal of Theoretical Politics*. 2002. Vol. 14. Issue 2. P. 195–230.

15. Buchanan M. Ubiquity. The Science of History... or Why the World is Simpler Than We Think. London: Weidenfeld & Nicolson, 2000. 288 p.

16. Mandelbrot B.B. The Fractal Geometry of Nature. New York: W.H. Freeman and Company, 1982. 470 p.

17. Zhukov D.S., Kanishchev V.V., Lyamin S.K. Application of the theory of self-organized criticality to the investigation of historical processes // Sage Open. 2016. Vol. 6. Issue 4. P. 1-10. DOI: 10.1177/2158244016683216. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244016683216> (дата обращения: 18.10.2018).

18. Zhukov D.S., Kanishchev V.V., Lyamin S.K. Social Movements Viewed in the Context of Self-Organized Criticality Theory // Acesso Livre. 2017. Issue 8. P. 75-91. URL: https://revistaacessolivre.files.wordpress.com/2017/12/acesso-livre-n-8_jul-dez_2017_a.pdf (дата обращения: 18.10.2018).

19. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Исследование интенсивности крестьянских волнений в Европейской России во второй половине XIX в. средствами теории самоорганизованной критичности // Историческая информатика. 2017. № 1. С.38-51.

THE STUDY OF POGROMS IN RUSSIAN CITIES (1917–1918) FROM THE STANDPOINT OF THE THEORY OF SELF-ORGANIZED CRITICALITY

Kanishchev Valery Vladimirovich, G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, doctor of historical sciences, professor of the Department of World and Russian History, valcan@mail.ru

Zhukov Dmitry Sergeevich, G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, PhD, associate professor of the International Relations and Political Science Department, ineternatum@mail.ru

The article presents the results of a quantitative analysis of riots in Russian cities during the revolutions of 1917–1918. The study is based on a database that contains information on more than 600 violent events. The authors analyze the dynamics, forms, requirements, composition of rioters. The theory of self-organized criticality (SOC) was used to study the nonlinear effects that occurred during the social movement. It was found that some investigated time series represent pink noise, which is an attribute of SOC. This indicates that Russian society as a whole was in a state of self-organized criticality. This process was caused by short-term wartime factors, and also had long-term preconditions that arose during the period of the post-reform modernization.

Key words: self-organized criticality, urban riots, pogroms, revolution.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДОПУСТИМЫХ ПОТЕРЬ В ИСХОДНЫХ ДАННЫХ ДЛЯ АНАЛИЗА СРЕДСТВАМИ ТЕОРИИ САМООРГАНИЗОВАННОЙ КРИТИЧНОСТИ¹

КУНАВИН Константин Сергеевич

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры всеобщей и российской истории,
e-mail: kunavinks@gmail.com

Статья описывает результаты экспериментов, направленных на проверку устойчивости процедур идентификации красного (коричневого) и розового шумов к пробелам в данных. Описываются и моделируются различные типы лагун, проверяется их влияние на идентификацию свойств исходного ряда. Проведенные эксперименты указывают на то, что рассматриваемые процедуры очень устойчивы к неполным данным. Предлагаются определенные нижние границы качества анализируемого ряда, соблюдение которых позволяет корректно выявлять свойства исходных полных данных.

Ключевые слова: самоорганизованная критичность, коричневый шум, розовый шум, белый шум, неполные данные, лагуны.

Задача

Теория самоорганизованной критичности (СОК) уже рекомендовала себя в качестве перспективного инструмента в исследованиях сложных нелинейных исторических процессов. Не углубляясь в эпистемологические и методологические размышления по этому поводу, попытаемся рассмотреть важный методический вопрос. Одна из существенных преград для применения математических и статистических методов в исторических исследованиях заключается в дефиците количественных данных, пригодных для анализа. При использовании аппарата СОК

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00082а «Применение теории самоорганизованной критичности для изучения и моделирования социальных систем и исторических процессов».

эта проблема становится ещё более актуальной, так как искомые свойства изучаемого ряда могут быть выявлены только при достаточном количестве исходных данных. Иными словами, анализ недостаточных данных может привести к ошибочным выводам.

Поиску (экспериментальным путем) минимального количества точек данных, необходимого для корректной идентификации розового шума в динамических рядах, была посвящена статья [1]. Представленный в ней вывод о том, что 75 точек достаточно для обнаружения розового шума, несмотря на несомненную практическую пользу, нельзя назвать исчерпывающим. Не раскрытыми остались еще несколько вопросов, относящихся к проблеме малых или неполных данных в анализе СОК. Одинакова ли устойчивость коричневого и розового шума (иными словами, сколько нужно точек для корректной идентификации коричневого шума)? Влияют ли лакуны в сигнале на устойчивость результатов идентификационных процедур? Если «да», то какие комбинации расположения и размера лакун могут быть приемлемы для анализа?

Результаты и обсуждение

Чтобы попытаться ответить на поставленные выше вопросы, была предпринята серия экспериментов. В их основе лежал анализ неполных данных, выделенных из трех искусственно сгенерированных числовых рядов, близких по свойствам к идеальным шумам: белому ($n=1000$, $\alpha=-0,02$)¹, розовому ($n=1000$, $\alpha=0,97$) и коричневому ($n=1000$, $\alpha=1,85$). Можно предположить, что белый шум устойчив к лакунам и недостаточности данных, так как любой сигнал при потере информации своими свойствами начинает напоминать, с наибольшей вероятностью, именно белый шум (чем больше дефицит, тем «белее» сигнал). Тем не менее, мы посчитали целесообразным включить в наш эксперимент и белый шум, так как это позволит, с одной стороны, получить исчерпывающие выводы, а с другой – сравнивать по ходу

¹ n – количество точек в ряде; α – показатель степени в уравнении степенного тренда в спектрограмме: $S \sim 1/f^\alpha$, где S – мощность, f – частота.

эксперимента поведение других шумов с поведением белого как некоего эталона крайнего состояния.

Из указанных идеальных шумов были составлены ряды данных трех типов: С-ряды (continuous), D-ряды (discrete) и F-ряды (fragmentary). С-ряды представляют собой непрерывные фрагменты шумов, состоящие из определенного количества точек. Анализ С-рядов на устойчивость идентификации позволяет установить минимальное количество точек, при котором свойства ряда сохраняются, а сам ряд корректно идентифицируется аппаратом СОК.

D-ряды – это исходные ряды, содержащие в себе равномерно распределенные небольшие лакуны. D-ряды формировались так, что каждая точка исходного ряда имела равные с остальными точками шансы попасть в выборку. F-ряд – самый сложный случай – имитирует различные комбинации размера¹, количества и расположения² лакун в ряде, а именно:

1. Fs-c – малая лакуна в центре;
2. Fs-p – малая лакуна недалеко от края;
3. Fs-pc – 2 малые лакуны, одна недалеко от края, вторая в центре;
4. Fs-pp – 2 малые лакуны с разных краев;
5. Fs-ppc – 3 малые лакуны: по краям и в центре;
6. Fm-p – средняя лакуна на периферии;
7. Fm-c – средняя лакуна в центре;
8. Fb-p – большая лакуна на периферии;
9. Fb-c – большая лакуна в центре;
10. Fsm-pp – две лакуны на разных краях, одна средняя, другая малая;
11. Fsm-pc – две лакуны, одна на периферии, другая в центре, одна – средняя, другая – малая.

Результаты экспериментов с С-рядами представлены на рисунке 1.

¹ Использовалась следующая градация: малая лакуна (Fs) составляет 15% от всего ряда; средняя лакуна (Fm) – 25% от ряда; большая лакуна (Fb) – 33%.

² Начало и конец ряда для нас понятия равнозначные, следовательно, расположение было двух типов – недалеко от края (periphery) и в центре (center).

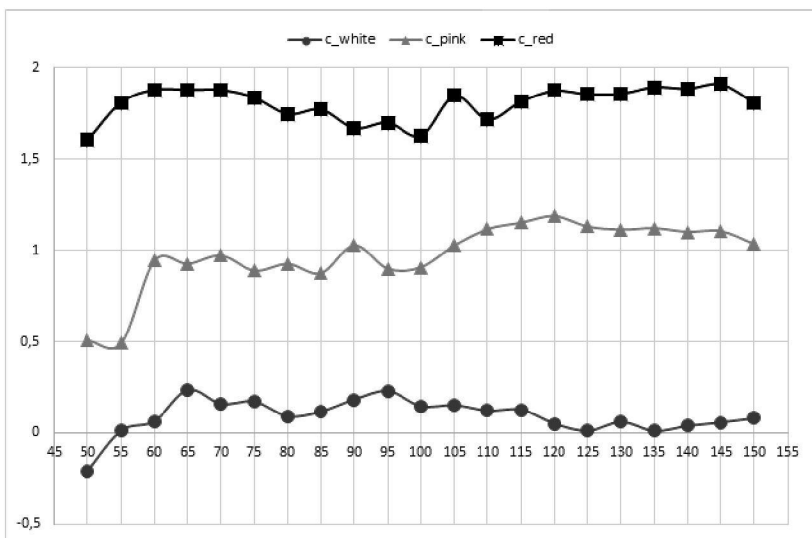

Рис. 1. Результаты спектрального анализа идеальных шумов (белый, розовый, коричневый¹) разной длины. По оси x – количество точек в сигнале, по оси y – показатель α в уравнении линии тренда: $S \sim 1/f^\alpha$.

Проведенные расчеты с непрерывными данными в диапазоне от 150 до 50 точек с шагом в 5 точек показывают, что идентификация свойств непрерывного ряда достаточно устойчива к сокращению количества точек. В диапазоне от 150 до 60 точек рассматриваемые нами ряды сохраняли свойства, близкие к исходным идеальным шумам. Только после отметки в 60 точек розовый и коричневый шумы начинают существенно «белеть». Идентификация белого шума не демонстрирует серьезных искажений (за исключением несущественных флуктуаций) на протяжении всего эксперимента. Коричневый шум оказался несколько устойчивее, чем розовый. Можно утверждать, что для анализа данных средствами СОК минимально достаточно непрерывного ряда, состоящего из 60 точек.

¹ Правильное название коричневого шума – красный (red). Неверное название возникло в результате ошибки перевода, но уже прижилось в отечественной литературе.

Результаты экспериментов с D-рядами представлены на рисунке 2.

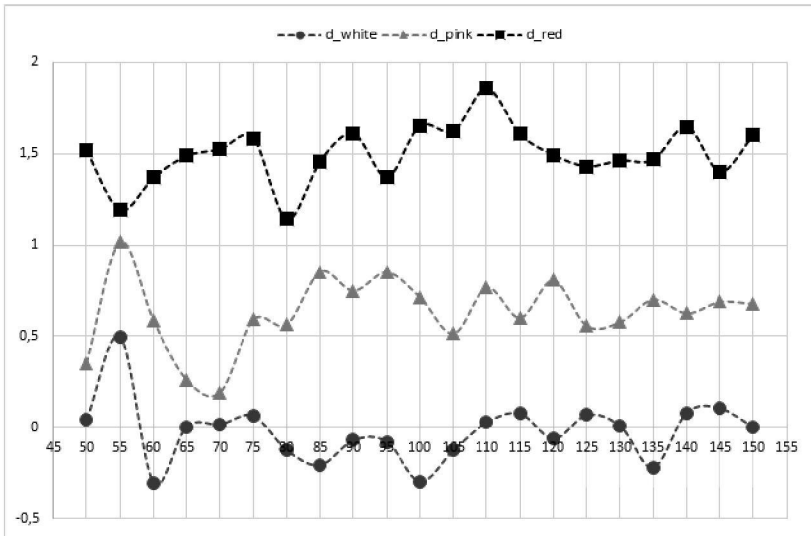

Рис. 2. Результаты спектрального анализа идеальных шумов (белый, розовый, коричневый) с разными долями равномерно распределенных лагун. По оси x – количество точек в шуме, по оси y – показатель α в уравнении линии тренда: $S \sim 1/f^\alpha$.

D-ряды менее устойчивы, чем C-ряды. Вполне предсказуемо, что величина разбросов уменьшается по мере сокращения лагун, однако, даже при больших потерях данных (150-50 точек, «сохранившихся» от исходного ряда в 1000 точек, составляют всего лишь 15-5% начальных данных!) пограничные состояния, тем не менее, не смешиваются. Белый шум, с точки зрения принятых идентификационных процедур, не «поднимается» до коричневого, а коричневый – не «разваливается» до белого.

В целом, на рисунке 2 видно, что тренды линий коричневого и розового шумов смещены ниже соответствующих правильных уровней α . При наличии от 150 до 80 точек, α коричневого шума находится в диапазоне от 1,8 до 1,2, а α розового шума – от 0,8 до 0,5. Тем не менее, если принять в расчет это системное

смещение тренда вниз, можно сказать, что 80 точек от исходного ряда, сильно пораженного равномерными лагунами, достаточно для корректной идентификации розового или коричневого шума. Примечателен случай поведения белого шума на отметке в 55 точек – его α поднялся до 0,5. Это указывает, что при значительных потерях данных белый шум также становится неустойчивым: из фрагментов хаоса, вырванных из контекста, иногда можно сложить порядок.

Результаты экспериментов с F-рядами приведены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты спектрального анализа F-рядов

(lac% – суммарный процент лагун в ряде; α – показатель α в уравнении $S \sim 1/f^\alpha$; R^2 – коэффициент достоверности аппроксимации линии тренда).

type	lac%	white, α	white, R^2	pink, α	pink, R^2	red, α	red, R^2
Full	0	-0,02	0,09	0,97	0,99	1,85	0,98
Fs-c	15	0	0	0,96	0,84	1,82	0,94
Fs-p	15	0,01	0	0,99	0,82	1,91	0,94
Fs-pc	30	0,03	0	0,99	0,8	1,88	0,92
Fs-pp	30	0,02	0	1	0,8	1,86	0,92
Fs-ppc	45	0,05	0,01	0,98	0,78	1,73	0,87
Fm-c	25	0	0	0,97	0,86	1,8	0,74
Fm-p	25	0	0	0,99	0,8	1,87	0,94
Fb-c	33	0,02	0	0,96	0,78	1,93	0,92
Fb-p	33	0	0	1	0,8	1,89	0,93
Fsm-pc	40	0,05	0	1,01	0,77	1,8	0,92
Fsm-pp	40	0,02	0	1	0,8	1,8	0,93

Смоделированные лагуны в F-рядах существенно не повлияли на корректность результатов спектрального анализа. Даже суммарные потери в 45% данных (ряд Fs-ppc) не помешали получить результат, близкий к исходным характеристикам ряда (строка Full).

Заключение

Выводы экспериментов обнадеживающие. Идентификационные процедуры оказались очень устойчивы к различным по-

терям данных. Показатель степени в спектрограммах коричневого, розового и белого шума можно уверенно идентифицировать в непрерывных рядах на 60 точек, равномерно разреженных рядах на 80 точек, или при различных комбинациях разноразмерных лакун при условии сохранения половины данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков Д.С., Лямин С.К. Проблемы идентификации розового шума в исторических данных // *Fractal Simulation*. 2015. № 1 (7). С. 17–23.

DETERMINATION OF THE ALLOWABLE FALLOUT IN THE ORIGINAL DATA FOR ANALYSIS BY THE MEANS OF THEORY OF SELF-ORGANIZED CRITICALITY

Kunavin Konstantin Sergeevich, G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, PhD, assistant professor of the World and Russian History Department, e-mail: kunavinks@gmail.com

The article describes the results of the experiment, aimed at testing the immunity of red, pink and white noise to the lack of data. Different types of lacunas are described and modelled, and their influence on the character of original set is tested. The results of the experiment show, that the given noises are resilient to the lack of data. The author gives the lowest limits of the quality of an analyzed set, keeping to which allows to identify the character of the original data correctly.

Key words: self-organized criticality, red noise, pink noise, white noise, lack of data, lacunas.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ПОГРОМНОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОРОДАХ РОССИИ В 1917–1918 гг.¹

КАНИЩЕВ Валерий Владимирович

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей и российской истории,
e-mail: valcan@mail.ru

ЖУКОВ Дмитрий Сергеевич

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных отношений и политологии,
e-mail: ineternatum@mail.ru

В статье представлен анализ исторических источников, использованных для составления базы данных «Погромы в городах России в феврале 1917 – августе 1918 годов».

Ключевые слова: революция, погромы, исторический источник.

Проблема и задачи

Изучение погромных движений прошлого имеет значение не только для историков, но и для политологов. К сожалению, некоторые современные организованные и самоорганизованные ненасильственные политические процессы сопровождаются всплесками стихийно-разрушительных действий. Обращение к историческим аналогам может оказаться полезным для понимания механизмов возникновения погромных выступлений.

Наиболее яркими историческими примерами сочетания организованного революционного и стихийно-погромного движений были события Февральской и Октябрьской революций в России 1917 г. Борьба за свержение самодержавия в форме организованных демонстраций, шествий, митингов сопровождалась самосудами над офицерами и полицейскими, разгромами

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00365.

государственных учреждений, частных торговых заведений, квартир и т.д. Во время знаменитого штурма Зимнего дворца наряду с организованным арестом членов Временного правительства происходила порча бывшего царского дворцового имущества, началось стихийное расхищение винных запасов подвалов дворца.

В свое время один из авторов этих строк попытался описать погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. как особый феномен российской революции [1]. В настоящее время мы посчитали важным создать современный геоинформационный ресурс. Основу такого ресурса должна составить база данных, создание которой требует особо тщательного источниковедческого анализа документов революционного времени.

Источниковедческий анализ

В первую очередь, мы обратили внимание на документы органов власти, которые по своим функциональным обязанностям должны были отслеживать проявления протестных движений.

В фонде Главного управления милиции МВД Временного правительства нами было выявлено 53 дела с сообщениями о погромных выступлениях в разных городах на территории современной России. В большинстве случаев в этих делах содержалось по несколько сообщений подобного рода, а в 15 из них – от 10 до 44 сообщений о погромах [2]. Материалы милицейского фонда дополняют 8 дел фонда Департамента общих дел МВД [3].

В целом можно говорить о достаточной «густоте» документов МВД Временного правительства, которое практически ежедневно отслеживало информацию о погромах в стране. Эта информационная насыщенность была обеспечена не только тщательным сбором ежедневных сообщений местных органов внутренних дел, но и широким использованием газетных материалов о городских погромах. В указанных архивных фондах содержатся ссылки на 40 с лишним газет, вышедших в марте – октябре 1917 г. При этом в таких газетах как «Власть народа», «Воля народа», «Газета-Копейка», «День», «Московский листок», «Народное слово», «Новая жизнь», «Новая Русь», «Новое

время», «Петроградская газета», «Рабочая газета», «Раннее утро», «Речь. 1917», «Русская воля», «Русские ведомости», «Русское слово», «Свободный народ», «Солдат-гражданин», «Трудовая копейка», «Утро России» неоднократно размещались сообщения о погромных выступлениях в различных городах России.

Важно также отметить, что в фондах подразделений МВД отложились сообщения из десятка провинциальных газет из самых разных регионов России (Владивосток, Вологда, Вятка, Калуга, Омск, Ростов, Самара, Тамбов и др.).

Конечно, при источниковедческом анализе нужно учитывать политическую направленность газет. Правая и либеральная пресса, отражавшая интересы тех общественных кругов, которые не хотели дальнейшего углубления революции, с первых после февральских дней подняла шумиху по поводу погромного движения. Она стремилась запугать «обывателя» и отвлечь его тем самым от всяких политических действий, а также дискредитировать «революционно-демократическую» власть Временного правительства, как не способную обуздать погромщиков.

Большевистские и другие близкие к ним издания дооктябрьского периода размещали немного материалов о погромных выступлениях в городах. В газетах «Правда», «Известия», «Социал-демократ» этого периода мы выявили всего 5 сообщений о погромах в разных городах страны. Не думаем, что партийные и советские газетчики сознательно уклонялись от публикаций материалов о городских погромах. В первую очередь, они считали должным готовить сознательные массы к организованным выступлениям, не могли тратить время и невеликие газетные площади на то, чтобы «отмазываться» от причастности к разгулу анархии. В принципе большевики и их сторонники в 1917 г. были снисходительны к погромным выступлениям, считали их порождением тяжелого положения трудящихся и лишь «слегка журили» несознательные элементы в народе.

В сводках и газетных сообщениях, поступивших в Министерство внутренних дел Временного правительства, главным образом, отложились краткие сообщения о конкретных погромных выступлениях. Понятно, что всегда и везде власти не могли получать абсолютно точные сведения о протестных выступле-

ниях. Историк должен определять степень достаточности информации официальных источников.

Наш опыт работы с выявленным массивом сведений, которые, как мы отметили, взаимно подтверждаются разными источниками, позволяет утверждать, что в данном случае они достаточно точны для количественных расчетов различных параметров выступлений, таких как:

- место выступления (всегда точное название города);
- дата выступления (отклонения в несколько суток без нарушения помесечной статистики);
- продолжительность выступлений (часы, дни, недели);
- действия властей и общественности по прекращению погромов (чаще отсутствие таких действий).

Достаточно определенными, пусть и несколько расплывчатыми, являются сведения милицейских источников о формах, направленности, составе участников погромов в городах России. Оговорки необходимы относительно информации о составе погромщиков.

Применительно к 1917–1918 гг. со 100-процентной уверенностью нельзя говорить даже об участии солдат в погромных выступлениях. Ведь немало из них фактически дезертировали, но продолжали носить военную форму. Такую форму могли приобрести и гражданские лица. Но все-таки в источниках обычно говорится о солдатах гарнизонов, полков, других воинских частей. Нередко авторы источников сами отделяли от них других лиц, одетых в военную форму.

Проще говорить о горожанах вообще (обывателях). А вот выделить из них отдельные профессиональные группы авторам информационных сводок удавалось только в тех случаях, когда стихийно-погромные действия происходили на заводах, фабриках, железных дорогах и других, скажем так, очевидных рабочих местах.

Обычно несложно было определить участие в погромах ситуативно оказавшихся в городах крестьян, которые отличались от городских обывателей одеждой, не совсем уверенным поведением в городе, характерным скоплением в базарных местах.

Примерно то же самое можно сказать об информационном потенциале материалов советского НКВД, который после Октября регулировал повседневную политическую и административную деятельность местных органов Советской власти [4]. Хотя применительно к этому комплексу документов требуется больше оговорок.

Во-первых, их выявлено намного меньше, чем в фондах МВД Временного правительства. В фонде НКВД мы нашли информацию о погромах в 15 делах. Только в одном из них было большое количество сводок (свыше 40). Мы считаем такое количество дел не информационным «пробелом», а отражением объективных процессов. Советские силовые структуры действовали в наведении революционного порядка намного решительнее, чем их предшественники во Временном правительстве. Поэтому погромов в городах России в конце октября 1917 – августе 1918 г. было намного меньше, чем в феврале-октябре 1917 г. Осенью 1918 г., после введения «красного террора», погромы в городах Советской России практически полностью прекратились.

Конечно, в комплексе советских документов явно просматривается классовый и идеологический подход к оценке действий участников погромов (как несознательных «темных масс», так и «контрреволюционных элементов»). Однако очевидно и то, что советскому государству, как и любому другому, для нормального исполнения управленческих функций нужна объективная информация. К тому же, большая часть ее была закрытой, предназначенной для служебного пользования. Поэтому документация НКВД в целом заслуживает доверия.

Особо приходится учитывать специфику первых месяцев Советской власти, когда «буржуазные» местные органы управления теряли контроль над ситуацией, возможности отслеживать настроения населения, а документы многих учреждений погибли при их «разгоне» или реорганизации революционными силами. С другой стороны, органы Советской власти не сразу в достаточной мере взяли под контроль обстановку в своих городах, наладили нормальное делопроизводство, информационную связь с центральными советскими властями.

Особую ценность представляют обширные обзоры прессы отдела местного управления и бюро печати НКВД, которые концентрировали информацию из самых разных изданий. Анализ направленности этих изданий показал, что существенное приращение к архивной информации дают материалы большевистских газет октября 1917 г. – июня 1918 г. До них у центральных органов Советской власти в те месяцы просто «не доходили руки» в смысле их запрета.

В упомянутых выше центральных большевистских и советских изданиях в конце 1917 – начале 1918 г. стало печататься больше сообщений о погромах. Помимо «Правды», «Известий», «Социал-демократа» мы специально изучили еще и «Известия Советов г. Москвы и Московской области» за 1918 г. Московская область (точнее Московское областное бюро Советов) этого времени была объединением Советов всей Центральной России – от Костромы на севере до Воронежа на юге, Смоленска на западе до Нижнего Новгорода на востоке. Материалы газеты такого обширного объединения отражали события почти в двух сотнях русских городов. Источниковедческий анализ главных советских газет показал, что, став властными органами, Советы во главе с большевиками должны были следить за поддержанием общественного порядка.

Сознательный выбор для составления базы данных большевистских и советских изданий позволяет сбалансировать информацию о погромных выступлениях в городах.

Если определенный «вакуум» информации о событиях в российской провинции в самом конце 1917 – начале 1918 г. заметно ощущается, то применительно к столице мы имеем такой информационно насыщенный источник, как материалы Петроградского военно-революционного комитета. Они опубликованы в фондовом издании документов этого учреждения, которому в первые послеоктябрьские месяцы, помимо прочего, приходилось заниматься поддержанием порядка в столице [5].

В конце октября – декабре 1917 г. Петроградский ВРК, если не ежедневно, то точно еженедельно заслушивал подробные доклады своих комиссаров о погромах в разных частях города и мерах по решительному прекращению этих беспорядков.

Недостаток информации центральных архивов о погромах в провинциальных городах «с лихвой» покрывают материалы многочисленных региональных опубликованных сборников документов, посвященных революционному движению в 1917 г. и, особенно, установлению и упрочению Советской власти в 1917–1918 гг. на территории России. Их вполне можно назвать репрезентативной выборкой. Они включили в себя материалы местных архивов и газет, которые зачастую не дошли до центральных органов власти.

В 1920-е гг. (до сталинизации советской исторической науки) в провинциальных истпартовских изданиях практически не было отброса нежелательных документов, отразивших факты погромных выступлений трудящихся. Более того, в то время стихийные движения широких слоев населения считались проявлением почвенности революции 1917 г. К публикациям 1920-х гг. «по духу» примыкают и некоторые издания 1930–1940-х гг., которые по каким-то причинам не испытали сильного воздействия сталинского принципа партийности [6–30].

Важно особенно отметить, что подлинники документов, вошедших в сборники 1920-х гг. по целому ряду областей России, погибли во время их оккупации германскими войсками в годы Великой Отечественной войны. Поэтому некоторые истпартовские документальные публикации фактически превратились в первоисточники.

Новая «волна» изданий сборников документов революционного движения 1917–1918 гг. поднялась в конце 1950-х гг. в связи с широким празднованием 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции [31–73]. Конечно, в этот период отбор документов для публикации являлся идеологически более выверенным. Но все-таки сказывались обстоятельства «оттепели» в исторической науке, а, главное, недостаток на местах «тонких» историков и архивистов, умевших отграничить сознательные и организованные выступления революционных масс от стихийно-погромных. Многим публикаторам погромы представлялись частью мощного и широкого революционного процесса. Ведь, как и в предыдущие советские десятилетия, им было важно показать побольше народных выступлений против

царизма, Временного правительства, эксплуататорских классов. Сейчас при неидеологизированном подходе стало очевидным, что в немалом числе городов России, кроме погромов, других протестных выступлений в 1917–1918 гг. почти не было.

В принципе такой подход сохранялся и в редких публикациях документов к очередным юбилеям Великого Октября 1960–1980-х гг. [74–89].

Мы изучили около двух десятков постсоветских сборников документов периода Революции 1917 и установления Советской власти. Только в 13 из них были выявлены источники, отразившие погромные выступления в городах России в 1917–1918 гг. [90–102]. Мы не увидели каких-то принципов отбора документов в этих сборниках. Скорее всего, это было «делом вкуса» их составителей. В одном из сборников интересующие нас источники повторяли факты, которые отразились в прежних документальных публикациях [99]. Сравнительно немало новых фактов было выявлено в сборниках по истории Нижегородской и Пензенской губерний эпохи Первой мировой войны и Революции 1917 г. [94–95]. Заметной новизной отличаются современные публикации документов личного происхождения, особенно дневников, авторами которых, по терминологии советского времени, были представители непролетарских слоев населения [90, 97, 98].

Ценность дневниковых записей для составления нашей базы данных оказалась в том, что в них весьма точно, «по свежим следам» фиксировались дата, место, обстоятельства известных авторам фактов погромов. Такие факты мы выявили в дневниках знаменитых петроградцев (П.А. Сорокина и З.Н. Гиппиус), московского страхового агента Н.П. Окунева, московской писательницы Р.М. Хин-Гольдовской, военного ветеринара, а после демобилизации музейного работника В.П. Бирюкова, который возвращался в родной уральский Шадринск через многие города Центральной России, гимназистов Д.В. Фибиха из Пензы и А.А. Федоровского из Ирбита Пермской губернии, священника Г. Голубцова, в начале 1918 г. чуть не попавшего под самосуд толпы в Армавире.

Особо следует сказать об известном сочинении А.А. Блока о последних днях «старого режима». Внешне оно наиболее

близко к жанру публицистики. Для нашей цели важно то, что в эту публикацию включены некоторые неопубликованные документы, личные впечатления знаменитого писателя, жившего во времена революции 1917 г. в Петрограде [103].

А вот воспоминания, в виду нечеткости воспроизводства в памяти мемуаристов многих конкретных фактов, почти невозможно использовать для составления «строгой» базы данных. Мы обращали внимание только на те мемуарные свидетельства, которые дополняли точно известные сведения о погромных выступлениях из других источников. Яркие описательные моменты воспоминаний, а также других источников мы предполагаем использовать в качестве комментариев к базе данных.

В разделе «Литература» мы сознательно разместили обширный список изученных источников, дабы дать читателю возможность самостоятельно ознакомиться с документами революционного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канишев В.В. «Русский бунт – бессмысленный и беспощадный». Погромное движение в городах России в 1917-1918 гг. Тамбов, 1995.

2. ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 2. ДД.135б, 143, 145, 149, 153б, 157,167, 169,175, 178, 178б, 185,186,194, 205, 210-212,215,216, 221, 226, 227, 233, 236, 240, 241, 247; Оп. 6. ДД. 17, 18, 29а, 44, 46, 202, 252, 271-273, 294, 327, 334, 335, 423-432, 439.

3. ГА РФ. Ф.1788. Оп.1. Д.41; Оп.2. ДД.67, 69, 75, 169, 179; Оп. 6. ДД.29а, 427.

4. ГА РФ. Ф.393. Оп.3. Д.31; Оп.4. ДД.1 3, 23-25, 27, 31, 33-34, 37, 41, 52, 110-112.

5. Петроградский военно-революционный комитет. ТТ. 1-3. М., 1966.

6. Авдеев Н. Революция 1917 г. (Хроника событий). Т.1. М.; Пг., 1924.

7. Ахун М., Петров В. 1917 год в Москве. М., 1934.

8. Ахун М. и Петров В. 1917 год в Петрограде. Л., 1933.

9. Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии: Хроника событий, Т. 1. Самара. 1927.

10. Большевизация Петроградского гарнизона. Л., 1932.

11. Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1947.
12. Владимирова В. Революция 1917. Т. III-IV. М.; Пг., 1923-1924.
13. Грачев Е. Казанский Октябрь. Хроника революции 1917 г. (период март-октябрь). Казань, 1926.
14. Дианова М.К., Экземплярский П.М. 1918-й год в Иваново-Вознесенской губернии. Иваново-Вознесенск, 1930.
15. Документы Великой пролетарской революции. Т.2. М., 1948.
16. Заславский Д.О., Конторович В.А. Хроника февральской революции. Т.1. Пг., 1924.
17. Журавлев Н.В., Паньков И.П. Хроника революционного движения в Тверской губернии, с 1904 г. по январь 1918 г. Калинин, 1941.
18. Крошицкий П., Соколов С. 1917-1918. Хроника революционных событий Тамбовской губернии. Тамбов, 1927.
19. Лавыгин Б.М. 1917 год в Воронежской губернии. Воронеж, 1928.
20. Любимов И.Н. Революция 1917 г. Хроника событий. Т. VI. М.; Л., 1930.
21. Любовников М., Нечаев И., Шнипров М. Хроника революционных событий в Горьковском крае. Горький, 1932.
22. Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири (1917 – 1918). М.; Л., 1926.
23. Материалы по истории революционного движения. Т.3. [Н. Новгород], 1922.
24. Октябрь в Москве. М., 1932.
25. Октябрьский переворот. Факты и документы. Пг., 1918.
26. Рабочее движение в 1917 г. М.; Л., 1926.
27. Раенко Н.Я. Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье. Вып. I. Ростов-на-Дону, 1933.
28. Рябинский К. Революция 1917 г. (Хроника событий). Т.5. М.; Л., 1926.
29. Троцкий В. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Хроника событий. Вып. 1-2. Самара, 1929.
30. Шаханов Н. 1917-й год во Владимирской губернии. Хроника событий. Владимир, 1927.
31. Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957.
32. Большевики Петрограда в 1917 г. М., 1957.
33. Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Ч.1. Астрахань, 1958.
34. Борьба за власть Советов на Дону. Ростов-на-Дону, 1957.

35. Борьба за Советскую власть в Бурято-Монголии. Улан-Уде, 1957.
36. Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. Воронеж, 1957.
37. Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917–1920 гг. – Краснодар, 1957.
38. Борьба за Советскую власть на Южном Урале (1917–1918 гг.). Челябинск, 1957.
39. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане. М., 1958.
40. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Курск, 1957.
41. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (март 1917– июнь 1918 г.). Ульяновск, 1957.
42. Борьба за установление и упрочение Советской власти. Хроника событий. М., 1962.
43. Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае. Барнаул, 1957.
44. Борьба рабочих и крестьян под руководством Коммунистической партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии. Тамбов, 1957.
45. Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье (1917–1921 гг.). Ставрополь, 1957.
46. Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917–1918 гг. Орел, 1957.
47. Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т.1–4. М., 1957–1962.
48. Донесения комиссаров Петроградского ВРК. М., 1957.
49. За власть Советов. Сб. док-тов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии (март 1917 – июнь 1918 г.). Красноярск, 1957.
50. Захаркина А.Е., Фирстов И.И. Мордовия в годы трех народных революций. Ч.1. Саранск, 1957.
51. Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии. Чебоксары, 1957.
52. Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. Ижевск, 1957. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1957.
53. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Куйбышев, 1957.
54. Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Горький, 1957.

55. Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. Пенза, 1957.
56. Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. М., 1957.
57. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959.
58. Революционное движение в России в апреле 1917 г. М., 1958.
59. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М., 1957.
60. Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957.
61. Революция в Крыму. Симферополь. 1957. № 1.
62. Татария в борьбе за победу пролетарской революции. (Февраль-октябрь 1917 г.). Сб. документов и материалов. Казань, 1957.
63. 1917 год в Саратовской губернии. Саратов, 1957.
64. Упрочение Советской власти в Тульской губернии. Тула, 1961.
65. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Киров, 1957.
66. Установление и упрочение Советской власти в Псковской губернии. Псков, 1957.
67. Установление и упрочение Советской власти в Рязанской губернии. Рязань, 1957.
68. Установление и упрочение Советской власти в Смоленской губернии. Смоленск, 1957.
69. Установление Советской власти в Калужской губернии. Калуга, 1957.
70. Установление Советской власти в Мордовии. Саранск, 1957.
71. Установление Советской власти в Новгородской губернии. Новгород, 1957.
72. Установление Советской власти на территории Курганской области (март 1917 – июнь 1918 г.). Курган, 1957.
73. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. II. М., Л., 1957.
74. Борьба за Советскую власть в Тобольской (Тюменской) губернии. Свердловск, 1967.
75. Великий Октябрь на Брянщине. Хроника важнейших событий (март 1917 – июнь 1918 гг.). Тула, 1987.
76. Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917-1920 гг.). Л., 1982.
77. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918. М., 1982.

78. Документы по истории Октября в Татарии (март 1917 – март 1918 г.). Казань, 1973.
79. За социалистическую революцию. Летопись важнейших революционных событий в Иркутской губернии с ноября 1895 г. по март 1920 г. Иркутск, 1968.
80. Красноярск в трех революциях. – Красноярск, 1974.
81. Летопись борьбы и побед. Хроника революционной борьбы на Дону. 1875-1920 гг. Ростов-на-Дону, 1984.
82. Летопись борьбы и свершений. Кн.1. Казань, 1985.
83. Летопись героических дней. 1917: Хроника важнейших ист.-парт. и рев. событий в Москве и Моск. губернии. М., 1973.
84. Октябрь в Сибири. Хроника событий. Новосибирск, 1982.
85. Революционное движение в военных округах. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1988.
86. Установление Советской власти в Пермской губернии. Пермь, 1966.
87. Хроника революционных событий в Крыму. 1917-1920. Симферополь, 1969.
88. Хроника революционных событий в Новониколаевске. 1917 г. Новосибирск, 1967.
89. Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. Саратов, 1968.
90. Великая русская революция глазами интеллектуалов. Хрестоматия М., 2015.
91. Дальний Восток России в 1917 году: документы и материалы из фонда комиссара Временного правительства по делам Дальнего Востока. Владивосток, 2017.
92. Жизнь тамбовской провинции в эпоху революций (февраль 1917 г. – февраль 1918 г.). Тамбов, 2018.
93. Журналы Временного правительства. ТТ. 1-2. М., 2001.
94. Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: В 2 кн. Прага, 2014.
95. «По обстоятельства военного времени». Нижегородская губерния в 1914 – начале 1918 гг.: сборник документов в 2-х ч. Т.2. Нижний Новгород, 2018.
96. Правоохранительные органы Уфимской губернии в годы революций и гражданской войны (1917-1922 гг.): Сборник документов и материалов. Ч.1.Уфа, 2006.
97. Российская Церковь в годы революции (1917–1918): сб. М., 1995.
98. Россия 1917 года в эго-документах: дневники. М., 2017.

99. 1917 год в истории Удмуртии. Документы и материалы. Ижевск, 2017.

100. 1917 год. К 90-летию Февральской и Октябрьской революции. М., 2007.

101. 1917 год. Петроград. Москва. Богородск. Хроника событий <http://www.bogorodsk-noginsk.ru/vlasty/1917-god-petrograd-moskva-bogorodsk-xronika-1.html>

102. Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. М., 1996.

103. Блок А.А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921.

REFOCUSING PUBLIC ATTENTION: MODELING COMMUNITY ACTIVITY IN SOCIAL MEDIA

Kanischev Valery Vladimirovich, G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, PhD, professor of the History Department, valcan@mail.ru

Zhukov Dmitry Sergeevich, G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, PhD, associate professor of the International Relations and Political Science Department, ineternatum@mail.ru

The authors presented the results of an analysis of historical sources used to create the database "Pogroms in the Cities of Russia in February 1917 – August 1918".

Keywords: revolution, pogroms, historical source

Все выпуски
«PRO NUNC. Современные политические процессы»

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 1: Россия между думскими и президентскими выборами (декабрь 2003 – март 2004 гг.) / науч. ред. Д.Г. Сельцер. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. 53 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 2: Политические партии и выборы в российских регионах / редкол.: В.М. Юрьев (пред.), В.Ф. Пеньков, С.В. Самгин, Д.Г. Сельцер (отв. ред.); Админ. Тамб. обл., Тамб. обл. Дума, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Ин-т истории и политологии, Тамб. обл. избир. комиссия, Тамб. отделение Рос. ассоциации полит. науки. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. 212 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 3: Принципы и перспективы формирования власти в современной России / редкол.: В.Ф. Пеньков, А.А. Сазонов, Д.Г. Сельцер. Тамбов: Юлис, 2005. 171 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 4: Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / редкол.: Г.Ю. Валеева, В.Ф. Пеньков, А.С. Пучнин, А.А. Сазонов (пред.), Д.Г. Сельцер; Админ. Тамб. обл., Тамб. обл. дума, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Тамб. обл. избир. комиссия, Тамб. отделение Рос. ассоциации полит. науки. Тамбов: Юлис, 2006. 265 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 5: Диалоги о политике: материалы российско-американских студенческих семинаров по политологии и международным отношениям (ТГУ им. Г.Р. Державина, РФ – Клемсонский университет, США), г. Тамбов, 2005-2006 гг. / редкол.: М.Д. Кросстон, В.В. Романов, Д.Г. Сельцер; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Клемсонский ун-т. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. 179 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 6: Проблемы избирательного права и избирательного процесса в Российской Федерации (конкурсные работы студентов тамбовских вузов) / редкол.: Г.Ю. Валеева, В.Ф. Пеньков, А.С. Пучнин, А.А. Сазонов, Д.Г. Сельцер; Тамб. обл. избир. комиссия, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Тамб. отделение Рос. ассоциации полит. науки. Тамбов: Юлис, 2006. 190 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 7: Субъектное поле политики. Элита. Номенклатура. Бюрократия / редкол.: О.В. Гаман-Голутвина (пред.), В.Ф. Пеньков, Д.Г. Сельцер; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Избир. комиссия Тамб. обл., Исследовательский комитет РАПН по политической элитологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. 254 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 8: Политические элиты в условиях электорального формата трансформации власти / редкол.: О.В. Гаман-Голутвина (пред.), В.Ф. Пеньков, А.С. Пучнин, Д.Г. Сельцер, В.М. Юрьев; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Избир. комиссия Тамб. обл.; Исследовательский комитет РАПН по политической элитологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. 399 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 9: Российская политика в региональном измерении / редкол.: Р.Ф. Туровский (пред.), В.Ф. Пеньков, А.С. Пучнин, Д.Г. Сельцер, В.М. Юрьев; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Избир. комиссия Тамб. области; Тамб. отделение Рос. ассоциации полит. науки. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. 256 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 10: Актуальные проблемы изучения политики и преподавания политической науки / редкол.: В. И. Коваленко (пред.), В.Ф. Пеньков, В.В. Романов, Д.Г. Сельцер; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Национальная коллегия политологов-преподавателей, Тамб. отделение Рос. ассоциации полит. науки. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. 196 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. Вып. 11: Российская политика: «первая строка» (сочинения начинающих политологов) / отв. ред. Д.Г. Сельцер; редкол.: О.И. Коврикова, С.В. Кузнецов, В.Ф. Пеньков, В.В. Романов, А.С. Офицеров; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. 174 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. № 12: Война как продолжение политики (к 100-летию начала Первой мировой войны) / отв. ред. Д.Г. Сельцер; редкол.: О.И. Коврикова, В.В. Миронов (редактор номера), В.Ф. Пеньков, В.В. Романов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 132 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. № 13: Вновь об элитах / отв. ред. Д.Г. Сельцер; редкол.: Д.С. Жуков, О.И. Коврикова, В.Ф. Пеньков, В.В. Романов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. № 14: Политическое в региональном / отв. ред. Д.Г. Сельцер; редкол.: Д.С. Жуков, Н.Ю. Жуковская, О.И. Коврикова, В.Ф. Пеньков, В.В. Романов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. 183 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. № 15: Региональная политика в работах тамбовских политологов / отв. ред. Д.Г. Сельцер; редкол.: Д.С. Жуков, Н.Ю. Жуковская, О.И. Коврикова, В.Ф. Пеньков, В.В. Романов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. 66 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. № 16: Выборы-2016 в перекрестье мнений политиков и политологов / отв. ред. Д.Г. Сельцер; редкол.: Д.С. Жуков, Н.Ю. Жуковская, О.И. Коврикова, В.Ф. Пеньков, В.В. Романов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. 205 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. № 17: Актуальные идеологии для России / отв. ред. Д.Г. Сельцер; редкол.: Д.С. Жуков, Н.Ю. Жуковская, О.И. Коврикова, В.Ф. Пеньков, В.В. Романов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. 60 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. № 18: Моделируя политическую реальность / отв. ред. Д.Г. Сельцер; редкол.: Д.С. Жуков, Н.Ю. Жуковская, О.И. Коврикова, В.Ф. Пеньков, В.В. Романов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. 88 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. № 19: Российская политическая повестка – 2018 / отв. ред. Д.Г. Сельцер; редкол.: Д.С. Жуков, Н.Ю. Жуковская, О.И. Коврикова, В.Ф. Пеньков, В.В. Романов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2018. 92 с.

PRO NUNC. Современные политические процессы. № 20: Модели и прикладные исследования политики / отв. ред. Д.Г. Сельцер; редкол.: Д.С. Жуков, Н.Ю. Жуковская, О.И. Коврикова, В.Ф. Пеньков, В.В. Романов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2018. 154 с.